

Стечение обстоятельств

Автор:

[Алина Аркади](#)

Стечение обстоятельств

Алина Аркади

Однолюбы #4

Свадьба – прекрасное событие в жизни любой девушки при условии, что не узнаешь об измене будущего мужа за пять минут до регистрации брака. Поймать случайную попутку и сбежать в неизвестном направлении, оставив пару сотен гостей, недовольного отца и виноватого жениха, кажется самым верным решением. Встреча с хамоватым блондином не сулит ничего хорошего, пока он не становится единственным, кто желает помочь девушке, которая попала в сложную ситуацию. Случайное знакомство, откровенный разговор и ночь, которая перевернёт жизни обоих, заставив снова и снова вспоминать роковое стечение обстоятельств...

Алина Аркади

Стечение обстоятельств

Глава 1

Арина

Свадьба – самое волшебное и долгожданное событие в жизни каждой девушки. Невероятное торжество, окутанное романтикой, предвкушением и

волнительными эмоциями. Как правило, на подготовку уходит много времени и сил, и вот, в момент свершения данного события, любая девушка испытывает ни с чем несравнимое волнение перед произнесением долгожданного «да».

Любая? Вероятно. Но не я.

Отражение в большом напольном зеркале рисует мне прекрасную стройную брюнетку в длинном свадебном наряде. Прямое платье-русалка с небольшим шлейфом и ажурной спинкой, перетекающей в такие же полупрозрачные рукава. Сдержанное, лаконичное, выгодно подчёркивающее фигуру – мой выбор среди множества пышных нарядов в салоне. Атласная ткань струится по ногам, обволакивает каждый изгиб, опускается мягкими волнами до самого пола, прикрывая белые туфельки на тонкой, но невысокой шпильке, которые лишь подчёркивают нежный образ невесты.

Катя, конечно, высказала своё, никого не интересующее, мнение по поводу моего наряда, заметив, что она остановила бы свой выбор исключительно на мегапышном, переливающимся тысячью кристаллов платье, для которого, предполагаю, необходимо заказывать отдельный лимузин, потому что заднее сиденье обычного автомобиля вряд ли способно вместить это великолепие. Волнение отсутствует, а мандраж не сопровождает меня на протяжении всего дня, в отличие от Веры – жены отца, и Кати – сводной сестры. Такое чувство, что сегодня выходит замуж одна из них. Регистрация назначена на четыре, и это тоже не моя прихоть, а любимых девочек отца, которые слишком долго собирались не на свою свадьбу.

– Сестрёнка, ты прекрасно выглядишь. – Слащавый голосок раздаётся из-за спины, заставляя вздрогнуть. Всегда подкрадывается бесшумно, мягко. – Но я бы на твоём месте выбрала другое платье, в этом нет изюминки, – фыркает.

– А изюминка, по-твоему, это много-много блёсток и столько же юбок? – вздёргиваю бровь, предполагая положительный ответ.

– Именно! Бессовестно пышное платье, длинная фата в несколько метров и шикарная диадема с крупными камнями. Я бы хотела именно такой наряд, – мечтательно улыбается.

– Вот когда будешь выходить замуж, именно на таком и остановишься. А сегодня моя свадьба, и главное действующее лицо тоже я.

– Хм, вот не понимаю, что Олег нашёл в тебе, – рассматривает свои длинные острые коготки, – хотя понимаю – брак договорной.

– Мы встречались год после знакомства, и уже потом наши отцы договорились о браке. Мы нравимся друг другу, относимся с теплотой и нежностью. Этого вполне достаточно для крепкого союза.

– Для крепкого союза требуются страстный секс и громкие крики в спальне, сестрёнка, – подмигивает моему отражению в зеркале, – как тебе Олег в постели? Ну, поделись с любимой сестрой, – подходит, обнимая меня за плечи. Страхиваю холодные ладони.

– Во-первых, сводная сестра. Во-вторых, подробностями личной жизни я делиться ни с тобой, ни с кем-либо другим не желаю. На личном личное – только так.

– А мне вот твой будущий муж кое-что рассказал, – улыбается, почти шепчет, – не так у вас всё в постели отлично, – подмигивает. – Скучная ты.

Злость окатывает изнутри, хочется с силой толкнуть в бок любопытную сестрицу и сломать ей пару рёбер. Раньше я бурно реагировала на каждый её выпад, пока не поняла – она живёт ответными эмоциями на свои провокации. Но сегодня такого удовольствия я ей не доставлю.

– С чего бы это вдруг Олегу делиться с тобой подробностями нашей интимной жизни? Или ты опять подслушивала, приложив своё ушко к моей двери?

– Я? Я никогда не подслушиваю!

– Ну да, – хмыкаю, – это мы уже проходили, Катя. Ты не раз была поймана за гадким делом. Живи своей жизнью, а в мою не смей лезть. И выйди вон – тебе здесь не место. Сегодня я хочу лицезреть исключительно прекрасное, – слащаво улыбаюсь, отчего девушка растягивает губы в ответ, – ты в эту категорию не входишь.

– Ах так, – шипит, прищурившись, но всё же двигается к двери, – этот день ты точно запомнишь!

Наконец, Катя выскакивает из подготовительной комнаты, оставив меня в одиночестве. Я хочу перекинуться парой слов с отцом. Волнение всё же даёт о себе знать, и я вновь по привычке заламываю пальцы, собираясь с мыслями.

Год назад именно папа познакомил меня с Олегом, с сыном своего знакомого, которого рассчитывал увидеть деловым партнёром в новом проекте. Возможный брак лишь предполагался при условии, что возникнет взаимная симпатия. Папа слишком меня любит, чтобы заставлять связывать узами брака с человеком, который окажется мне противен.

Но, познакомившись, мы понравились друг другу по-настоящему. Высокий брюнет с зелёными глазами сразу меня обаял, оказавшись в придачу очень интересным человеком и собеседником. Проведённое вместе время, совместный отдых и развлечения лишь укрепили симпатию, чему отец был рад. К тому же уже решённый вопрос брака привёл нас с Олегом в постель, и именно с будущим мужем я познала все прелести интимной жизни и возможных её вариаций.

Единственное, что меня смущало, – Олег не умеет целоваться. Все его манипуляции языком больше похожи на облизывания собаки, чем на что-то возбуждающее и завораживающее, но и это можно перетерпеть, не увлекаясь процессом. Конечно, прикосновения неотъемлемая часть отношений, но от неё я успешно уворачиваюсь, не привлекая внимания. Всё, что касается секса, мне не с чем сравнивать, точнее, не с кем, именно поэтому слова Кати так резанули, посеяв ещё большие сомнения в правильности сегодняшней свадьбы.

Влюблённость между нами есть, но есть ли любовь? Вероятно, выйдя из этой комнаты, мне уже никогда не узнать обратного.

– Готова?

Чёрт, что же вы сегодня все подкрадываетесь ко мне?!

– Можно сказать, да, пап.

– Красавица! – Папа подходит сзади, обнимая меня за талию. Кладёт подбородок на моё плечо, с восхищением разглядывая отражение в зеркале. – Вот только красавица не выглядит счастливой.

– Катя вышла отсюда пару минут назад. – Отец прекрасно знает, что это означает.

– Опять зацепились?

– Не опять, а снова, – раздражённо бурчу. – Как хорошо, что с завтрашнего дня я уже не буду жить с ней под одной крышей. Только ради этого стоит выйти замуж. – Нервно провожу ладонями вниз по платью, делая вид, что расправляю ткань.

– Только не говори, что ты согласилась на брак именно по этой причине. – Отец заводится, снова поднимая неприятную тему. – Мне бы хотелось, чтобы муж у тебя вызвал хоть какие-то чувства.

– Например, симпатию?

– Хотя бы влюблённость.

– Она есть. Тебе не стоит волноваться.

– А любовь?

Молчу, не решаясь согласиться с тем, чего нет и, вероятно, не будет. Олег очень привлекает меня, притягивает и манит, но чего-то глубокого я не чувствую, искренне надеюсь, что со временем во мне всё же проснётся любовь к нему.

– Пока лишь влюблённость, – поворачиваюсь, чтобы поправить бабочку на шее родителя, – но сегодня я стану Евдокимовой, а значит, мне просто придётся проникнуться к своему супругу более глубокими чувствами. Иначе как построить семейное счастье?

– Фу, как пафосно! – смеётся. – Ариша, я уже спрашивал тебя. Ты могла отказаться.

- Но тебе важен Евдокимов как партнёр, так?

- Да. - Отец не отрицает. Эта тема поднималась неоднократно.

- Мне нужны его дотации в мою компанию. Объединению или созданию нового я тоже буду рад, а родственные связи крепче, чем любой подписанный документ.

- Я в курсе. Слышала много раз. Но мне показалось, что между Олегом и Катей изначально возникла более сильная симпатия. Ты мог бы настоять на браке с ней.

- Хм, она мне падчерица, а не дочь, а Евдокимов желал именно Строганову. Родную кровь. К тому же ты на тот момент была свободна, - напоминает отец, вновь раздражая.

- Если бы ты дал мне больше свободы и не следил за каждым шагом и вздохом, скорее всего, я бы уже давно не была свободна, - фыркаю, отстраняясь.

- Ты знаешь, по какой причине некоторое время была ограничена в действиях.

- Некоторое время? Шесть лет, напоминаю. Если ты вдруг забыл, - расхаживаю из угла в угол, нервно заламывая пальцы. - В тот момент, пока Катенька шастала по всем клубам столицы и весело проводила время, я безвылазно находилась дома, не имея возможности даже выходные провести с друзьями, а поехать куда-то в компании знакомых так и вовсе подобно преступлению, - возвожу руки к небу, повышая интонации. - Если бы ты дал мне больше свободы в своё время, сейчас я бы не стремилась связать себя браком с Евдокимовым.

- Ты это делаешь назло мне или себе во благо? - Папа подходит, заглядывая в моё лицо. Ответов для него там нет, что бы он не искал.

- Скорее, всё в точности наоборот.

- Ариша, Олег надёжный и серьёзный человек. Он будет тебя оберегать и заботиться, уверен, - берёт мои руки, подносит к губам, целуя каждую. - Мне кажется, он тебя любит, по-настоящему, просто... пока не проявляет это очень активно.

– А когда проявит? Когда ты проявил чувства к маме?

– Сразу, – отворачивается, пряча взгляд. – Это была любовь с первого взгляда, которая, увы, закончилась через восемнадцать лет после известных тебе событий. Но главное, что она была, – тушуетя, стесняясь показывать переживания. Они развелись шесть лет назад, и отец снова женат, но каждый разговор о маме заканчивается смущением и скачком на другую тему. – Если ты готова, можно выходить. Почти четыре. Все уже собрались.

Кладу ладонь на подставленный для меня локоть, чуть сжимая пальцы. Всё же я волнуюсь. Немного потряхивает от осознания, что через час я выйду отсюда женой человека, в которого, наверное, влюблена. Чувство влюблённости меня уже захватывало, расплываясь внутри эйфорией и счастьем. Но сейчас происходит нечто иное – более интимное и глубокое.

Останавливаемся с отцом перед большими резными дверями, уже готовые войти в торжественный зал под марш Мендельсона. Но двери не открываются, приглашая нас, а музыка не слышна, что настораживает.

– Не можем найти Олега, – выскакивает Вера, оповещая о потере жениха, и уносится прочь по коридору. – У него кольца.

Сквозь приоткрытую дверь вижу озадаченные лица гостей, которые крутят головами из стороны в сторону, и регистратора, показывающего на часы.

– Он должен уже ждать меня в зале, – начинаю оглядываться, чтобы выловить своего будущего мужа.

– Позвони ему, – предлагает отец.

– Не могу. Телефон в комнате, как и сумка с вещами. Я сейчас.

Иду по коридорам, извивающимся и имеющим ответвления. Тихо, и лишь стук моих каблучков разносится эхом по пустым коридорам. Только это не хватало! Сразу вспоминается фильм «Сбежавшая невеста», вот только сегодня сбежавшим является именно жених. Неужели передумал за минуту до регистрации и решил просто уйти по-английски?

Меня отвлекает непонятный звук в глубине коридора, а, пройдя пару шагов, натыкаюсь на дверь туалета и дёргаю ручку на себя.

Застыв на пороге, пытаюсь осознать увиденное, нервно сглатывая слюну и почти оседая на пол. Катя, опершись на раковину, стоит, загнувшись перед Олегом, который очень активно, громко и энергично трахает её. Глаза мужчины закрыты, и с губ срываются лишь хрипы и разрывающие стоны. Они настолько заняты процессом, что не сразу обращают на меня внимание. А я только и могу открывать и закрывать рот, наблюдая, как мой будущий муж насаживает на себя сводную сестру.

Гадко. Противно до тошноты. Начинаю шмыгать, не в силах сдержаться и принять порочную картинку.

– Арина... – Наконец, Олег отмирает, тут же отталкивая Катю и запихивая возбуждённый орган в трусы. – Я... Мы... Ты не так поняла...

– Я. Всё. Поняла, – цежу сквозь зубы. – Пока я ожидаю возле двери зала, готовая стать твоей женой, ты благополучно заталкиваешь свой член в мою сестру. Не мог подождать? Ах да, у нас же в постели всё не так отлично. Видимо, своё отлично ты получил, – киваю в сторону Кати.

Сестрица лыбится, как ошалелая, спокойно подтягивая трусики и поправляя обтягивающее платье. Больше похоже на продуманный ход, чем на случайный секс в туалете ЗАГСа.

– Я же обещала, что этот день ты запомнишь, – ухмыляется, расплываясь в самой милой из существующих улыбок. – Надеюсь, каждый раз, когда ты будешь ложиться в постель с Олежкой, у тебя перед глазами будет стоять эта невероятная сцена. Ну что, пошли жениться, сестричка?

Закрываю глаза, сжигаемая злостью и обидой, разочарованием и досадой. Адский коктейль чувств разносится по венам, потряхивая крупной дрожью и застилая пеленой глаза. Замахиваюсь и, швырнув букет невесты, попадаю в Олега, разбив ему нос. Он даже не подозревал, что скромный букетик имеет тяжёлую пластиковую ручку, в которой закреплены ножки цветов. Капли алеют на белой рубашке, а мужчина закидывает голову в попытке остановить кровь. И

это впервые, когда Катенька обескуражена моим поведением. Отходит на пару шагов назад, прячась за спину Олега, видимо, ожидая следующего предмета, который обязательно предназначен ей.

- Козёл! – кричу что есть силы. – Чёртов кобель! Я за тебя замуж не выйду!

- Но наши отцы заключили договор... – гундосит, закрывая нос мой жених.

- Плевать! На тебя, на договор и на всё, что сейчас происходит. Хочешь жениться? Женись на этой, – киваю в сторону Кати. – Вы идеальная пара!

- Подожди...

Олег кричит вслед, но я уже мчусь по длинному коридору, желая покинуть это место. Приближаюсь к холлу, замечая, что почти все гости вывалили из зала и сейчас непонимающе перешёптываются. Вижу отца, разговаривающего с отцом Олега, а когда он замечает меня, замираю. Не знаю, что написано на моём лице, но уж точно не счастье и предвкушение.

- Где Олег? – доносится голос Веры.

- Трахает твою дочь в туалете.

Гости оборачиваются, услышав резкое высказывание и провожают меня взглядом, когда я почти добегаю до выхода.

- Ариша, что случилось? А свадьба? – слышу голос папы.

- Свадьба? – останавливаюсь в дверях. – Пусть Евдокимов женится на твоей замечательной падчерице, которая так вовремя подставила себя для моего будущего мужа. Совет да любовь! – истерически смеюсь, пока по щекам стекают слезинки и душит дикая обида.

- Арина! Стой! – слышу голос несостоявшегося муженька и срываюсь с места, чтобы скрыться от изучающих меня глаз в толпе людей на улице.

Глава 2

Активно перебираю ногами по ступенькам, которых, кажется, несколько десятков. Подобрал подол платья, двигаюсь максимально быстро. Огибая белый лимузин и множество дорогих автомобилей, выскакиваю на проезжую часть и направляюсь на другую сторону. Несколько раз обернувшись, выхватываю из потока людей фигуру Олега и отца, ускоряясь.

Больше всего на свете мне сейчас хочется забиться в угол и прореветься, осознав, что всё оказалось фальшью и вымыслом. Человек, с которым я хотела связать свою судьбу, оказался лицемером и гнусным лжецом. Слышу, как мужской голос выкрикивает моё имя, не различая, кто именно из мужчин уже совсем близко. Выбегаю на дорогу, останавливая первую попавшуюся машину и запрыгиваю на заднее сиденье.

– Эй, ты кто? – спрашивает седовласый мужчина с безобразной бородой. В машине стоит тошнотворный запах алкоголя и чего-то ещё, пока непонятного для меня.

– Отвезите меня куда-нибудь, – почти умоляю.

– Куда?

– А куда вы едете?

– На стоянку. Моя смена окончена, нужно поставить машину.

– Вот туда и отвезите, – почти кричу и оглядываюсь, понимая, что Олег совсем близко. – Быстрее! Езжайте!

– Хм, ну ладно.

Срывается с места, подгоняемый сигналами автомобилей, которым он перекрыл путь. И, когда мы наконец трогаясь, а догоняющие фигуры отдаляются, скручиваюсь комочком на сидении и даю волю слезам.

Внутри всё ноет в отчаянной попытке сделать глубокий вдох и принять случившееся. Перед глазами снова и снова проносится гадкая картинка горячего сношения моего почти мужа и сводной сестры, вызывая тошноту и желание избавиться от назойливого действия. Такое вообще можно забыть? Или этот момент навсегда останется на задворках моей памяти, являясь на свет в самый неподходящий момент?

Отчего-то проявляется мерзкая улыбка Кати и растянутые в презрительной ухмылке губы: каждое движение, жест и взгляд говорил о том, что она желала данного представления и жаждала, чтобы я всё увидела своими глазами.

Пять лет назад, когда в нашем доме появилась Вера с дочкой и папа объявил, что теперь у меня есть сводная сестра, я не испытала особой эйфории. Не шла на сближение, но и откровенно не вступала в конфликты. Присматривалась в попытке прочувствовать стремления новой жены насчёт папы и ситуации в целом. И казалось, чувства между ними имелись и искренность присутствовала, но столько быстрый брак после развода с мамой настораживал. Словно отец хотел забыться, заполнив опустевшее место новым человеком. Но я не вмешивалась и уже тем более не лезла с советами, чтобы вразумить взрослого мужчину.

Катя в первый же месяц сорвалась в шоппинг, скупая всё, что можно, и то, что и вовсе не требовалось. Её комната походила на склад, где среди пакетов брендовых магазинов имелась и мебель. Наглая, беспардонная и невоспитанная, она отчаянно желала набиться мне в подруги всеми способами, не понимая отказов. Подслушивала под дверь, копалась в моём компьютере и даже звонила Насте, чтобы через мою лучшую подругу пробиться в компанию, где ей не было места. Копировала мой стиль в одежде, приобретая те же самые вещи и обувь, посещая привычные для меня магазины и даже кафе. В какой-то момент я стала её побаиваться, как будто у меня появился назойливый фанат, не понимающий отказов.

Мне потребовался год, чтобы донести сводной сестре, что ей не место в моём устоявшемся мире и необходимо построить свой собственный. Вера просила сблизиться с Катей, стать ей другом и даже сестрой, но всё существо противилось этому, отгораживаясь.

В последнее время девушка успокоилась, наконец создала свой круг общения и проводила время на тусовках и клубах. Наотрез отказалась получать высшее

образование, предпочитая беззаботно проводить время на многочисленных вечеринках. Единственное, что вызывало во мне зависть, – свобода действий Кати. Мне такого не позволялось, и я лишь обречённо капала слюной, когда сестрица покидала дом, чтобы отправиться на очередную попойку. Отец в её воспитание не лез, так же, как и Вера не указывала мне, что делать.

Разделяй и властвуй – это про детей в нашей семье: у каждого свой родитель.

Когда появился Олег, я лишь вскользь обратила внимание на интерес Кати и их редкие перешёптывания у меня за спиной. Она вновь стала много и часто возникать в моей жизни именно в те моменты, когда парень, а впоследствии жених приходил в наш дом. Настойчиво напрашивалась составить нам компанию, поговорить или просто поделиться планами. И Олег делился – много и подробно.

Теперь понятно почему... Как давно она в его постели? Вероятно, сегодняшний секс не первый для них, а уверенные высказывания Кати о нашей с женихом тусклой интимной жизни – комментарий из первых уст. Грёбаная сводная сестра и здесь красиво подгадила, расстроив мою свадьбу и лишив возможности наконец выпорхнуть из-под крыла отца. Сожалею о том дне, когда обе женщины появились в нашей жизни, пошатнув привычные устои.

Рассматриваю мелькающие дома, равнодушно пропуская названия улиц. Солнечный день медленно сменился серым удушающим небом – прохладным и мерзким. Вот-вот хлынет дождь, который был спрогнозирован ещё вчера, и свадебный банкет заблаговременно был перенесён на крытую террасу.

Плохо представляю, что сейчас происходит с отцом, Евдокимовым и моим женихом, который не только был пойман с поличным, но и сорвал папаше выгодную сделку. Пошёл он к чёрту! Я была согласна выйти замуж без глубокой любви, но всё же испытывая к своему партнёру уважение, основанное на доверии. Но зачем всё это, если даже в день бракосочетания будущий муж не смог удержать член в штанах.

Таксист молчит, не отвлекая меня разговорами, и я почти отключаюсь, погрузившись в тяжёлые мысли. И чем дольше прогоняю в памяти всё случившееся, тем громче хочется реветь. Вот бы сейчас нашёлся кто-то большой и тёплый. Забраться бы на колени, уткнуться носом в широкую грудь и

жаловаться, жаловаться, жаловаться...

Но, вернись я сейчас, сразу же попаду к отцу. Не могу предположить, как он отреагировал на произошедшее, объяснился с Евдокимовым и оповестил гостей об отмене свадьбы. Вера, вероятно, вновь закроет собой доченьку, найдёт тысячу и один аргумент, обеляющий Катю в её скверном поступке, а папа вновь примет объяснения.

Не хочу их видеть. Никого из них.

- Приехали, - оповещает водитель, и мне приходится подняться, чтобы сесть и осмотреться вокруг. Не знаю, сколько и куда мы ехали, но солнце уже село, опустившись на город темнотой.

- А куда?..

Он называет район, а по моим представлениям это где-то на краю другой вселенной за гранью реальности. Несколько лет я передвигалась по городу с водителем, который чётко знал моё расписание - из пункта А в пункт Б и обратно. Одно и то же на протяжении нескольких лет за редким исключением посиделок с Настей и приёмов, на которые брал меня отец. Мысленно представляю карту столицы и не могу припомнить подобного названия.

- А вы можете отвезти меня обратно?

- Не вопрос. Десять тысяч сейчас, за то, что я тебя привёз, и сумма вперёд, чтобы доставить обратно.

- Эй, вы всё равно ехали в этом направлении! - пытаюсь возмутиться.

- Так бы я ехал один, а с тобой пришлось слушать нытьё и неразборчивый шёпот. Деньги плати.

Что-то мне подсказывает, что мужчина нагло приплюсовал несколько тысяч, но и это не имеет значения, потому что денег у меня нет, как и телефона, чтобы воспользоваться переводом.

– У меня нет, – развожу руками. – Но есть вот, – показываю кольцо, – это бриллиант, настоящий, чистый и очень-очень дорогой.

– На хрена мне нужна твоя побрякушка! Деньги гони, коза!

– У меня нет, – шепчу, вжимаясь в сиденье.

– Нет денег – плати натурой, – хищно скалится и тянет ко мне большие ручищи.

Едва успеваю увернуться и, открыв дверь, выскакиваю на улицу. Но мужик успевает вцепиться за фату и с силой дёргает на себя, вырывая из волос вместе со шпильками. Шиплю и ёжусь от боли. Кажется, он мне часть волос вырвал. Но я подумаю об этом потом, когда унесу ноги от похотливого козла, который выпрыгивает из машины и бросается за мной вдогонку. Бегу мимо домов, улавливая топот ног за спиной. Сворачиваю в переулок, затем в ещё один и ещё, пока преследователь не пропадает из вида.

Тяжело дышу и осматриваюсь: многоэтажки так плотно прижаты друг к другу, что просвет между домами отсутствует. Я словно в каменном коконе, в плену бетонных стен, не вижу выхода, обречённо озираясь по сторонам. Читаю название улицы и вновь теряюсь – ни одной ассоциации.

Чувствую, как меня тянет назад, и, обернувшись, наблюдаю большую чёрную собаку, которая вцепилась зубами в подол платья, с треском расползающееся на мне. Минутная борьба, моя победа над псом, и я вновь пускаюсь со всех ног в темноту. Секундной вспышкой в голове проносится правило: никогда не беги от собаки – беги за ней. Но мне настолько страшно, что я лишь ускоряюсь, чтобы отделаться от рычащего мне в спину животного.

Оказываюсь в небольшом зелёном парке с детской площадкой посередине, мчусь по дорожке, но за что-то зацепившись, плашмя растягиваюсь на твёрдой земле. Непривычная к падениям, не успеваю сгруппироваться и падаю на колени, прочесав ладонями грубую поверхность. Кожа покалывает тысячью иголок, разнося болезненные импульсы по всему телу.

Руки стёрты в кровь, колени в ссадинах, на уцелевшем подоле красуется значительная дыра, каблук сломан наполовину – так и остаюсь на земле, осматривая полученные ранения. Благодарю небеса, что сейчас июнь, иначе, с

моим-то везением, велика была бы вероятность замёрзнуть в сугробе.

Просидев так минут двадцать, поднимаюсь и шаркаю по дорожке к лавочке, которая, как оказалось, находится совсем рядом. Что удивительно: жилой район, множество припаркованных автомобилей и никого вокруг. Вот совсем. Это продолжительное действие моей фортуны или в самом деле здесь всегда так пустынно? Не успеваю основательно погрузиться в эту мысль, потому что ощущаю одиночные капли на своём лице, а через пару секунд начинается ливень. Несколько минут достаточно, чтобы платье промокло и противно прилипло к телу, вызывая желание избавиться от тряпки прямо сейчас. В попытке спрятаться от дождя начинаю поочерёдно ломиться в двери подъездов, которые не поддаются, заблокированные электронными замками.

Ночь. Незнакомое место. Я, промокшая насквозь, и никого вокруг. Ни единой мысли, что делать дальше и как выбираться из сложившейся ситуации. Тело пробивает мелкая дрожь. Даже плюсовая температура не спасёт, если на тебе влажная одежда, а ночная прохлада не позволяет согреться.

Чёрт возьми!

Обречённо бреду между домами в надежде, что дверь какого-нибудь подъезда неожиданно отворится, впуская меня в блаженное тепло. Но вселенная по-прежнему против, а кто-то там наверху дьявольски хохочет над всеми моими злоключениями.

Меня ослепляет фарами приближающегося автомобиля, и я тут же, сорвавшись с места, бегу в направлении белого внедорожника, который паркуется около одного из домов. Искорка надежды на спасение настолько застилает глаза, что я не успеваю отпрыгнуть, когда машина проносится мимо меня, с лихвой окатывая водой из большой лужи. Застываю на месте, наблюдая, как с меня стекают капли, превратив белое платье в серо-чёрное полотно.

Водительская дверь открывается, являя мне мужчину в белоснежной рубашке. Именно она первое, что бросается в глаза, почти ослепляя в свете фонаря. Даже моё платье сегодня утром не было таким белоснежным, как часть его одежды.

– Помогите мне, пожалуйста, – скулю, обращая на себя внимание.

Оборачивается, и я становлюсь объектом детального изучения. Взгляд ползёт снизу и через бесконечное количество времени впивается в лицо, которое сейчас, по моим прикидкам, меньше всего является привлекательным для мужчины.

– Ты кто? – Резкий голос пробивает насквозь, а холодный взгляд заставляет поёжиться.

– Я случайно сюда попала... на такси... сбежала со своей свадьбы... нет денег и телефона, чтобы заплатить. Мне нужно домой... – шепчу последние слова, потому что вся моя несвязная тирада не вызывает на лице мужчины не единой эмоции. Застыл, подобно камню, равнодушно вглядываясь в то, что осталось от прекрасной невесты.

– Живёшь где?

Называю улицу, но не свою, а Насти, потому как отправиться к подруге самое верное решение на мой взгляд.

– Да ты на хрен издеваешься? Другой конец города. Пятница, глубокая ночь, и я устал, как собака. Хочу есть и спать и уже тем более не желаю возиться с незнакомой девчонкой. – Автомобиль, моргнув фарами, блокируется, и мой новый знакомый разворачивается, направляясь к одному из подъездов.

– Пожалуйста! Прошу! – выкрикиваю и бегу следом, заставляя мужчину обернуться. – Не можете отвезти – дайте денег на такси. Взамен, – снимаю с пальца кольцо, – могу отдать это.

Внимательно рассматривает колечко с большим бриллиантом, подобно ювелиру, с первого взгляда способному определить подделку.

– Дорогое. Чистый камень. Где взяла? Украла?

– Я, что, похожа на воровку?! – вздёрнув подбородок, набираюсь смелости и с вызовом смотрю ему в глаза.

– Нет, – ухмыляется, едва заметно, лишь уголками губ, – ты похожа на жалкого грязного, мокрого котёнка, которого вышвырнули на улицу за ненадобностью. – Опускаю взгляд, вновь осматривая себя и полностью соглашаясь с его словами. – Налички нет.

– Дайте позвонить.

– Телефон разряжен, – вертит в руках аппарат, – у меня сегодня было столько звонков, что мобильник сдался ещё пару часов назад.

Несколько секунд изнуряющий тишины и ожидания его вердикта. Он моя последняя надежда найти приют на ближайшие пару часов или ночь. И меня совершенно не смущает, что я его совсем не знаю. Мужчина вызывает доверие и вселяет веру на благополучный исход приключений сегодняшнего дня.

– Пожалуйста... помогите... – сдаюсь, начиная громко всхлипывать.

– Сырость разводить заканчивай, – гаркает на меня, отчего хочется завывать в голос, – если, конечно, не хочешь провести эту ночь на улице.

– Не хочу, – часто-часто кручу головой. – Совсем не хочу.

– Я уверен, что пожалею об этом, – обречённо выдыхает, – но иди за мной.

Глава 3

Как только мы переступаем порог квартиры, звучит жёсткое:

– Раздевайся.

– Ч-что? – замираю, не сводя с него взгляда.

– Ты не будешь расхаживать по моей квартире в этой грязной тряпке. С тебя капает, – морщится. – Раздевайся, скидывай туфли, чтобы я мог избавиться от

этого хлама, не сходя с места. Что-то не устраивает – можешь вернуться на улицу, – открывает дверь, ожидая моего решения.

– Хорошо-хорошо, я согласна. Расстегните молнию, – поворачиваюсь спиной, и бегунок тут же ползёт вниз.

С трудом стягиваю платье, противно прилипшее к телу. И только в этот момент вспоминаю, что на мне нет бюстгалтера, потому что данная модель не предполагает его наличия. На секунду замявшись, всё же снимаю наряд, который падает к моим ногам.

– А я всегда думал, что же скрывается под платьем невесты? Оказывается, ничего, – довольно ухмыляется, окидывая меня взглядом, пока я прикрываю грудь рукой.

– Почему же ничего? На мне трусики.

– Этот кусок прозрачной ткани ничего не прикрывает. Хотя, если учитывать, что это предназначалось будущему мужу, я бы тоже предпочёл не тратить время на раздевание. – Он стоит, опершись плечом о стену, нагло и бессовестно пожирая меня взглядом. – Ванная по коридору прямо и налево. Вперёд.

Срываюсь с места и через секунду заскакиваю в ванную, закрыв дверь. Взгляд тут же упирается в большое зеркало... О господи! Я не просто жалкая – я похожа на ведьму! Волосы торчат в разные стороны, тушь растеклась безобразными пятнами, смешавшись с грязью, на шее непонятные разводы, а колени в ссадинах. Этот мужчина невероятно уверен в себе, раз позволил мне войти в его квартиру.

Стоя под горячим душем, понимаю – медленно возвращаюсь к человеческому облику, смывая с уставшего тела этот ужасный день. Слишком много событий для одной хрупкой девушки. Но всё случившееся я проанализирую потом, когда окажусь дома, в безопасности, рядом с отцом. Сейчас даже Вера и Катя не кажутся такими отталкивающими. В голове набатом отдаёт мысль – хочу, чтобы этот день закончился.

Нахожу полотенца и даже фен. Привожу себя в божеский вид, внимательно осматриваясь: идеальный порядок, каждая баночка на своём месте, ничего

лишнего. Интересно, он живёт один или миссис жена блондина просто отсутствует дома? Но, открыв шкафчик, обнаруживаю лишь мужские принадлежности.

Тихо выхожу из ванной, обмотавшись полотенцем. Нужно попросить какую-нибудь одежду, футболку или рубашку, чтобы не ходить голышом. Да и вообще, он, вероятно, уже избавился от моего платья, не ехать же домой голой. Но мужчины нет. Просто нет. Заглядываю в гостиную, затем в кабинет, напоследок захожу в спальню, где всё в таком же идеальном порядке, как в ванной.

- Эй, ты где?

Я даже не спросила, как его зовут. Снова окликаю - в ответ лишь тишина. Что ж, посмотрим, что есть. Открываю шкаф... да ладно! Белоснежные рубашки выглажены и развешаны на плечиках, под каждой сложены брюки и ремень, нижняя полка заставлена туфлями. Каждый атрибут расставлен друг от друга на определённом расстоянии. Линейкой, что ли, вымерял? Увиденное настолько идеально, что, кажется, возьми я одну из вещей, всё рассыплется, превратившись в хаос. Просто рай перфекциониста.

Не люблю использовать чужие вещи, но на мне из одежды только трусики, и сейчас выбора нет, как и вариантов добраться домой без помощи нового знакомого. Надеваю рубашку: длинная, до середины бедра, но приятная к телу ткань не оставляет сомнений. Закатываю рукава, ощущая себя почти одетой.

- Быстро сняла! - Неожиданный рык доносится из-за спины.

- Прости... те, - мямлю, - не ходить же мне голой и... - Сталкиваемся взглядами: мой - растерянный и жалкий, его - полыхающий злостью. - Сейчас, - быстро расстёгиваю мелкие пуговички, распахиваю рубашку и спускаю по плечам.

- Надень. - Голос отдаёт хрипотцой.

- Так снять или надеть? - Так и стою, совершенно забыв, что он сейчас пялится на мою грудь.

- Надень. И застегни, - отворачивается и выходит из комнаты.

– Сними, надень... – недовольно бурчу под нос, застёгивая пуговицы. –
Определись уже...

– Сюда иди! – доносится из соседней комнаты.

Вхожу на кухню, застыв в дверях. Опасаюсь сделать хоть шаг, не вызвав недовольства мужчины. Бросает взгляд, задержавшись на моих ногах, поднимается выше, споткнувшись на уровне груди и, наконец, рассматривает лицо. Несколько секунд, чтобы оценить друг друга, сделав определённые выводы.

Ему за тридцать. Высокий, широкоплечий, источающий силу и уверенность, привлекательный блондин. Упругое тело пробивается рельефными мышцами сквозь тонкую ткань рубашки, и я мысленно выкрикиваю «вау», когда облизываю его взглядом. Светловолосые мужчины никогда не являлись объектом моего восхищения, но сейчас понимаю, как же я заблуждалась. Белокурые волосы слегка взъерошены, а почти квадратное лицо перекачивается тугими желваками. Глубокий шрам над верхней губой привлекает, делает мужчину жёстче и притягательнее. Но самое невероятное – глаза: светло-голубые, почти прозрачные и холодные, словно арктические ледники.

– Жалкий котёнок, оказывается, не такой уж и жалкий, – ухмыляется, и лишь на секунду на дне голубизны проносится что-то опасное, острое, что должно заставить насторожиться. – Садись, – указывает на стул. – Зовут как?

– Арина.

– И как же ты, Арина, оказалась так далеко от дома, да ещё и в день собственной свадьбы? – Белёная бровь подскакивает.

Усаживаюсь на стул, подогнув ноги:

– Проснувшись сегодня утром, я совсем не ожидала...

– Стоп. Факты. Основные события. Кратко. По делу, – открывает окно, подкуривая сигарету.

– Сегодня я должна была выйти замуж, но застала своего жениха, занимающегося сексом в туалете ЗАГСа с моей сводной сестрой. Сбежала, поймала такси, которое привезло меня в незнакомый район. Денег не было, поэтому таксист предложил расплатиться... натурой. – Мужчина хмыкает. – Потом на меня напала собака, порвала платье, а когда убежала, упала, сбила колени, ладони и окончательно уничтожила свой свадебный наряд. Попала под ливень. Вымокла до нитки, и в довершение вы окатили меня из лужи.

– Насыщенный день.

– Чересчур.

Неловкая пауза. Он докуривает, с силой тушит окурочок в пепельнице.

– А вас как зовут? – решаюсь спросить.

– На «ты». Глеб.

– Глеб... – улыбаюсь, мысленно растягивая его имя. – Глебушка, – нестерпимо хочется произнести его именно так – плавно, тягуче.

– Не смей. Только Глеб. Никак иначе, – резко обрывает меня.

– Хорошо. – Его дом – его правила. Я лишь временная гостья. – Можно позвонить?

– Телефон на зарядке. Как только оживёт, сделаешь звонок. – Усаживается напротив. – Кстати, кому?

– Позвоню подруге. Она сразу приедет за мной.

– Подруге? Станный выбор. Как же жених?

– Думаю, после сегодняшних событий у меня нет жениха и будущего мужа нет. Отцу звонить не хочу. Сегодня. Наверное, дома творится настоящий хаос с разборками и взаимными обвинениями. Не желаю быть участником.

– Обвинениями?

– Мой родитель хотел заручиться поддержкой отца моего жениха. Так сказать, сделка, скреплённая браком, – поднимаюсь и, получив одобрение заглянуть в холодильник, наливаю в стакан сок. – Я могла отказаться, но мы с Олегом друг другу понравились. Завязались отношения, а затем всё логически дошло до свадьбы. Но сегодня он сам всё перечеркнул.

– Кого трахаешь, на той и женись. – Смотрю вопросительно. – Это я к тому, что сделка останется в силе, если твой уже бывший жених поведёт в ЗАГС твою сестрицу.

– Нет. Катя лишь падчерица. К тому же появилась в нашей семье всего пять лет назад. Где гарантия, что папа завтра не разведётся с её матерью?

– Хм, верно мыслишь, – одобрительно кивает, – а родная кровь никуда не денется.

– Да... – вздыхаю. Тревожный звоночек не даёт покоя: а что, если отцу плевать на мои желания и чувства и мне всё равно придётся стать женой Евдокимова? Встряхиваю головой, чтобы отогнать противные мысли, переворачивающие внутренности.

– Только без сырости.

– Что?

– Если собралась снова реветь – не советую. Терпеть не могу, – фыркает, поднимаясь и отходя к окну. – Что, Арина, слюни пускаешь по своему несостоявшемуся браку? Принц на белом коне не оправдал ожиданий? Девичье сердце разбито и теперь тебя ожидают долгие месяцы страданий? – усмехается, и, кажется, даже бросает презрительный взгляд, ожидая всего, что перечислил. Его слова подстёгивают в желании быть выше, уверенно опровергнуть каждое слово Глеба.

– Между нами была симпатия и даже влюблённость, но не любовь. Мне просто обидно, что так со мной поступил человек, с которым я... – «спала» – почти

добавила, но вовремя осеклась, поймав заинтересованный взгляд нового знакомого. – Я вполне стойко перенесу данную ситуацию, вычеркнув из своей жизни козла по имени Олег.

– Так хреново трахался?

– Ч-что?

– Слёзы не льёшь и даже не планируешь. – В воздухе обводит пальцем моё лицо. – Вполне ровно утверждаешь, что быстро распрощаешься с мыслями о женихе. Любви не было – понятно, могу предположить, что и секс был не фонтан.

– Не твоё дело, – поджимаю губы, отвернувшись, смотрю в одну точку, всё же чувствуя на себе обжигающий взгляд. Не могу же я признаться первому встречному, что понятия не имею, что означает этот «не фонтан».

– Так, ладно, – вновь усаживается напротив, сцепив пальцы в замок, – и что же ты собиралась делать, когда сбежала из-под венца?

– В смысле?

– План у тебя был? Куда отправиться? Как зализывать раны?

– Ну... если бы смогла, добралась до подруги. После рванули бы с ней куда-нибудь в клуб, чтобы оторваться по полной и забыть все ужасные события этого гадкого дня.

– Так банально?

– Банально для тех, кто там завсегда, а для меня несколько часов на танцполе – праздник, дарованный раз в год на день рождения.

– Тебя в обычные дни наручниками, что ли, к батарее пристёгивают?

«Почти» едва не срывается с языка, но я вовремя себя останавливаю. Даже Настя не знает всех подробностей случившегося шесть лет назад, а Глеба я

вижу впервые, ничего о нём не знаю. Конечно, можно представить, что мы два совершенно незнакомых пассажира в одном купе поезда и наши дорожки разойдутся, как только я покину его квартиру, но рисковать не стоит.

- Просто отец ограничивает свободу передвижений. На учёбу, с учёбы, в кафе, развлекательный центр и любое другое место всегда сопровождает охранник. У меня есть единственная подруга - проверенная и благонадёжная, с точки зрения отца.

- Ни хрена себе ты проштрафилась, Арина! - смеётся, укутывая в хриплые низкие нотки своего голоса.

- В смысле?

- Такие штрафные санкции можно схлопотать только после знатного косяка.

- Не в этом дело... Точнее, провинилась не я, - мнусь, пытаюсь сформулировать мысль, - но расплачиваться мне. Запутанная история.

Вмиг Глеб становится серьёзным. Неловко, насколько скрупулёзно мужчина блуждает по мне взглядом, вгоняя в краску.

- Ладно. Допустим, вы поехали в клуб. Дальше? Сделала бы что-то из ряда вон выходящее?

- Обязательно!

- Совершила бы кучу глупостей?

- Непременно!

- Напилась бы до невменяемого состояния, сняла бы мужика или двух, а то и больше. И была бы жёстко оттрахана, а очнулась бы в каком-нибудь подпольном борделе с ясной мыслью, что вчера жизнь была намного лучше, чем сегодня.

- Ч-что? - едва дышу, переваривая свалившиеся на меня предположения. Да я о таких местах даже не слышала и тем более не видела.

– Нет, конечно!

– Но если бы кто-то подкатил, ответила бы взаимностью?

– Возможно, – пожимаю плечами, – если бы мужчина мне понравился.

Знаю этого человека меньше часа, но кажется, что такой откровенной, как с Глебом, я ещё ни с кем не была. Его прямолинейность и явная хамоватость должны меня раздражать, отталкивая, но я же, наоборот, впитываю каждое слово подобно губке.

– Назло жениху? Отомстить?

– Нет! Возможно, новое знакомство вызвало бы во мне больше эмоций, чем Олег за последний год.

– Всё-таки он хреново трахается, – указывает на меня пальцем, – я был прав. – Молчу, наблюдая, как он поднимается, чтобы вновь достать сигарету. – Так?

– Не знаю, – пожимаю плечами, тушуясь от его вопроса.

– Всё у вас, у женщин сложно. Не знаю, – кривляется. – Да или нет – сложно ответить однозначно?

– Нет. Но не тебе. Я знаю тебя час. Не собираюсь делиться своими переживаниями.

– Ты сейчас зависишь от меня. Просто напоминаю.

– Тогда дай позвонить. Подруга меня заберёт. Или вызови такси, дай денег и избавься от моего присутствия. Помнится, ты говорил, что устал и хочешь отдохнуть?

– Не так быстро, – шипит, – ситуация приняла... неожиданный поворот. – Лыдистый взгляд сейчас искрит тысячами огненных всполохов, сжигая в огне... желания. Слишком мало мужчин было в моей жизни, а если быть точной, всего

один, но то, что я вижу в глазах нового знакомого, заставляет сжаться всем телом и затаить дыхание. – Не обижу, Арина. – Моё имя, слетевшее с его языка, режет слух отчётливой буквой «р», почти гортанное рычание, пробирающее до самого нутра.

– Не уверена... – шепчу, пленённая прозрачной холодностью откровенного взгляда.

Чувство самосохранения вопит «Беги!», но я остаюсь на месте, словно замороженная не в силах разорваться связь, которая прямо сейчас формируется между нами. И мне бы действительно испугаться, потому что ситуация неоднозначная: я наедине с мужчиной в замкнутом пространстве; большим и сильным мужчиной, которому я не соперник, и наше противостояние в любом случае закончится моим поражением. Вот только бежать не хочется, потому рядом с ним, возможно, впервые в жизни чувствую себя в безопасности. Парадоксально, но неопровержимо. Неожиданное открытие настолько поражает, что я пропускаю момент, когда он оказывается рядом, нависая надо мной и подчиняя неведомой силе, не позволяющей пошевелиться.

Глава 4

– А целовался как? – выдыхает мне в губы.

– Кто?

– Жених твой. Как его там – Олег? – Киваю, рассматривая его лицо и задерживаясь на небольшом шраме. Медленно поднимаюсь, отходя к стене под натиском Глеба, пока не упираюсь лопатками в стену, загнанная в капкан. – Трахал он тебя плохо – это я понял, а целовал?

– Хорошо.

– Неправда. Ты скривилась. – Язвительная ухмылка приклеивается намертво, пока он, наступая шаг за шагом, не приближается вплотную.

Сейчас, вспоминая поцелуи Олега, действительно возникает желание скривиться – интенсивные облизывания моего лица никогда не возбуждали, скорее, я сводила всё к сексу, чтобы избавиться от противных манипуляций. Как целуется Глеб? Именно этот, совершенно неуместный вопрос, всплывает в самый неподходящий момент, когда я гипнотизирую его губы.

– Не надо... – шепчу, упираясь ладонками в мускулистую грудь.

– Ты же хотела оторваться, забыться, или я не так понял?

– Так.

– Даже сказала, что ответила бы взаимностью понравившемуся мужчине.

– Да.

– Я не нравлюсь? – Проводит костяшками пальцем по скуле – мягко, едва касаясь, – спускается ниже, вызывая мурашки, предательски покрывающие тело. – Напиться не предлагаю, а вот всё остальное вполне осуществимо, – шепчет мне в губы, почти касаясь, но всё же держит дистанцию в несколько миллиметров. – Решайся.

– Это неправильно, – мямлю, почти решившись поддаться мужчине.

– Нет понятия «правильно», Арина. Есть понятие «мне хорошо» и «мне плохо». Что выбираешь ты?

– Первое. Но...

Нет возможности закончить, потому что Глеб накрывает мои губы своими, нагло проталкивая язык до самого горла. Не успеваю среагировать, полностью впуская на свою территорию и принимая новую для себя ласку. Алчно, грязно, глубоко – чистый секс. Так захватывающе и сногшибательно, что ноги подкашиваются. Пытаюсь оттолкнуть непробиваемый монолит, но лишь притягиваю ближе, цепляясь пальцами в ткань рубашки. Не замечаю, как отвечаю мужчине и, прикрыв глаза, сдаюсь адскому напору жара, проникающего в меня и пробирающего до самого сердца.

Всё кажется несущественным, сжавшимся до маленькой точки в одной квартире и нас, жадно пожирающих друг друга. Больше не думаю, не предполагаю и не сдерживаюсь, постанывая в этот голодный рот, который меня порабощает. Тело напрягается, а затем простреливает тёплыми импульсами, отзываясь на прикосновения этого мужчины. Он словно знает, какие именно точки необходимо затронуть, чтобы женщина рухнула в его объятия, готовая на всё.

– Понравилось? – отрывается, пока я тянусь к нему навстречу. – Понравилось, – улыбается. Ведёт пальцами ниже, едва задевая соски сквозь ткань, но и этого достаточно, чтобы они заострились, проявившись. Обводит чувствительное место по кругу, заставляя дёрнуться от неожиданного приятного покалывания. – Отзывчивая. Ну что, Котёнок, осуществим твой план?

– Я тебя знаю всего час.

– Так в этом и смысл отрыва: незнакомый человек в незнакомом месте на короткий промежуток времени. А дальше разошлись и забыли. Хотя ты не забудешь. Обещаю. – В его обещаниях столько предвкушения и жаркого наслаждения, что я готова скулить от невероятного спектра чувств, что разносят меня на куски. Сомнений всё меньше, а желание сказать «да» всё больше.

– Может, я лучше домой? – делаю шаг, но сильная рука тут же возвращает меня на место.

– Теперь я решаю, когда ты отправишься домой. Не сейчас.

– Ты говорил, что устал и хочешь отдохнуть!

– Я и собираюсь... отдохнуть. С тобой. В горизонтальном положении. Хотя можно и в вертикальном. Прямо так. – Подхватывает меня под попу, заставляя обхватить ногами, и сильнее вжимает в стену. Некуда бежать – скована крепкими руками. – Ты слегка подпортила мой вечер. Были планы.

– Делай, что планировал.

– Я и делаю. Только с тобой.

Ох, видимо, я помешала Глебу провести время в приятной компании женщины. Изначально моё неожиданное появление разозлило его, но теперь от злости ни осталось и следа, а пальцы, впивающиеся в мой зад, подтверждают желание оказаться в горизонтальном положении.

– А если я не хочу? – Последняя попытка остановить Глеба, но в первую очередь себя, потому что я дурею от запаха табака и ментола с примесью дорогого парфюма, жадно втягивая ароматы мужчины.

– Давай подумаем, – прикусывает мою нижнюю губу, оттягивая, – если прямо сейчас я вызову такси, которое отвезёт тебя домой, ты тут же попадёшь под отцовские санкции. Замуж не вышла, поэтому сидеть тебе в клетке без права на свободу. Так?

– Отец, наверное, ужасно волнуется, – шепчу. – И меня, скорее всего, ждёт наказание за побег.

– Тогда какая на хрен разница, когда ты вернёшься. Получать наказание, так хоть за что-то. Позволь себя расслабиться. Об этом никто не узнает, Котёнок, – кратко целует, проталкиваясь языком. – Но ты ещё долго будешь вспоминать ночь со мной.

– Так в себе уверен? – вздёргиваю бровь, желая остудить пыл нового знакомого, но делаю только хуже, потому что Глеб с силой толкается твёрдой эрекцией между моих ног. – Ах...

– Уверен. И докажу. Несколько раз, чтобы не осталось сомнений.

Обхватывает мою спину, прижимая вплотную к своей груди, и двигается в направлении спальни, отвлекая поцелуями. Почти сдаюсь, обмякнув в его руках, и сама лгну к горячему телу. Не могу объяснить даже самой себе, что заставляет меня подчиняться прихотям этого мужчины, но животный магнетизм, который он источает, не оставляет выбора.

Укладывает на кровать, нависнув глыбой и медленно расстёгивает пуговицы на рубашке, избавляя меня от одежды. Жадно ползёт взглядом, не упуская ни единого кусочка кожи. Инстинктивно сжимаюсь и закрываюсь руками, которые он тут же откидывает в стороны, недовольно цокая. Глеб рассматривает меня,

словно понравившийся товар в витрине магазина, оценивая и прикидывая его стоимость. Не нравится чувствовать себя вещью, но это ощущение тут же отступает, когда большие ладони поднимаются по внутренней стороне бёдер и сходятся вместе, накрывая мою промежность.

Чуть надавливает через ткань трусиков, вызвав мой жалобный всхлип, и прижимает пальцем клитор, отчего по телу разносится приятное покалывание.

Что я, чёрт возьми, делаю? Если бы ещё сегодня утром мне сказали, что я завершу свой день в объятиях незнакомца, распластанная на его кровати и готовая отдаться без сопротивления, рассмеялась бы в лицо. Но сейчас всё происходящее кажется нереальным сном, в котором я, забыв о скромности и благоразумии, тихо постанываю от настойчивых манипуляций Глеба.

Пропускаю момент, когда оказываюсь перед Глебом без одежды, и, проследив направление взгляда, смущаюсь, понимая, что он сейчас сосредоточен на самой интимной части моего тела. Дыхание мужчины частое, тяжёлое, надрывное, а когда его взгляд поднимается выше – замираю, потому что голубизна сменилась завораживающей темнотой.

Он всё ещё одет, тогда, как я обнажена и открыта перед ним.

– Ты подумала? – спрашивает, не сводя с меня взгляда и продолжая круговые движения на моём клиторе – вверх-вниз и снова по кругу. – Если я начну, Котёнок, остановиться не получится.

– Сними рубашку, – с трудом выдавливаю, облизнув пересохшие губы.

Ухмыляется, но просьбу исполняет, стягивая белую ткань. Его тело завораживает – натренированное, подтянутое, сильное.

– Это тоже? – постукивает пальцами по пряжке ремня.

– Да.

– Буду считать, что ты дала согласие.

Брюки летят на пол, и Глеб остаётся в обтягивающих боксерах, под которыми просматривается возбуждённый мужской орган – толстый и длинный. Борюсь с желанием запустить ладошку в его трусы и прочувствовать твёрдую плоть. С ним стеснение отходит на второй план, превращая меня в голодную женщину. Мне нужно удостовериться, что секс может быть страстным и всепоглощающим, чтобы остатки сожаления о неудавшемся браке и поступке Олега пропали навсегда.

Втягиваю запах волос и кожи Глеба, схожу с ума от горьковатого, пряного аромата, который сносит крышу. Этот мужчина сегодня скинет меня в пропасть порока и похоти.

– Пожелания будут, Котёнок? – толкается бёдрами. Нас разделяет тонкий барьер из ткани.

– А моё мнение разве учитывается?

– Сегодня – да. – Вновь толчок, имитирующий, что он меня трахает.

– Будь, пожалуйста, нежным, – шепчу, потому что не готова к грубости сейчас и вообще.

Тело Глеба напряжённое, зажатое, а мышцы перекачиваются под кожей, гипнотизируя. Оглаживаю его плечи, ощущая, какой он горячий и упругий.

– Не обещаю.

Зажимает ладонью моё лицо и грубо целует, не позволяя насытиться кислородом и забирая у меня его остатки. Позволяю ему вести, тело сдаётся под его натиском, падает во власть длинных пальцев, так искусно исследующих моё тело. Откликаюсь, словно знаю его целую жизнь и всё, что он делает, ожидаемо.

В тысячный раз мысленно проклиная себя за всё, что происходит, но и оттолкнуть его не в силах. Сердце колотится, словно сумасшедшее в предвкушении, а между ног приятно тянет в ожидании разрядки. Я испытывала оргазм, и, желая его повторить, иногда брала инициативу в свои руки, неумело подводя к черте Олега, но сама оставаясь неудовлетворённой.

Сейчас же хочу, чтобы Глеб не останавливался. Уже не останавливался.

Избавляется от последнего элемента, и я сразу чувствую, как между ног упирается твёрдый член. Веду ладошками по животу Глеба, опускаясь всё ниже и стремясь прикоснуться, но мои руки перехватывают. Мужчина обхватывает член у самого основания, несколько раз проведя по всей длине и приковывая моё внимание. Словно замороженная, снова тянусь пальчиками, но теряюсь, когда замечаю язвительную ухмылку на лице Глеба.

- Не терпится, Котёнок?

- Я не... - замолкаю, потому что хочу сказать «да», и прикусываю губу, когда улыбка на его лице становится шире.

Открывает ящик, разрывает фольгированный пакетик и раскатывает презерватив по члену. Так быстро, одним движением. Я так и не научилась этого делать. А в следующую секунду опускается между моих ног и входит одним толчком, заставляя меня выгнуться и вскрикнуть.

Такое чувство, будто меня надвое разрывает от большого органа, который заполняет полностью. Царапаю его плечи, и Глеб ненадолго замирает, позволяя мне привыкнуть. Немного больно, но в то же время хочется, чтобы он двигался, наполняя меня. Словно прочитав мои мысли, следует несколько хаотичных толчков, разливающих по телу серию разрядов. Максимально отводит бёдра и вновь толкается, соприкасаясь телами в громком шлепке. Движения чаще, напряжение нарастает, и я кончаю, извиваясь под большим телом и падая в бездну наслаждения.

- Да ладно, Котёнок! Так быстро? - прикусывает припухшие от его поцелуев губы и вклинивается языком, забирая у меня остатки живительного кислорода. Но тут же отрывается, чтобы провести подушечками пальцев по моему лицу.

Язык отнялся, лишь облизываю губы, дрожащими руками притягиваю для поцелуя. Сама раздвигаю его губы, исследуя и проникая внутрь горячего рта. Глеб поднимается, усаживаясь между моих ног и, зафиксировав ладони на моей заднице начинает дико натягивать на себя. Его мышцы напряжены, а по груди скатываются одинокие капельки, притягивая моё внимание, но уже через несколько минут забываю обо всём, вновь бьюсь в оргазме, вцепившись

ладонями в простыни.

Второй оргазм ярче предыдущего, и я, будто одурманенная, отключаюсь на короткое время, не желая отпускать уносящий в бесконечность, испепеляющий прилив. Глеб переворачивает меня на бок, пристраиваясь сзади, сгибает мою ногу и снова толкается членом, нетерпеливо вбиваясь. Я плотно прижата к его груди, а руки подобно канатам обвивают, не позволяя пошевелиться. Но я и не хочу, вновь сжигаемая поднимающимся из глубин удовольствием в предвкушении сладкого оргазма.

Движения жёсткие, сопровождающиеся громкими хлюпающими звуками, кислород на исходе, а позади редкие хрипы, свидетельствующие о приближении финала для Глеба. Давление внутри нарастает, накатывая яркими волнами, мужские пальцы кружат на клиторе, добавляя остроты и напряжения, пока я не взрываюсь. Перед глазами расплываются разноцветные круги, в голове шумит, и сквозь пелену улавливаю громкий хрип, когда Глеб кончает, оставаясь максимально глубоко в моём лоне. Даже презерватив не мешает мне почувствовать дёргающийся раскалённый член и огонь, прошивающий всё тело.

На мгновение погружаюсь в темноту, а открыв глаза, вижу над собой Глеба, в глазах которого едва заметная паника.

– Ты отключилась, Котёнок.

– На секундочку... – Притягиваю его за шею, приникая к губам – твёрдые, горячие, манящие, – он, словно леденец, который я так и не распробовала. – Мы мокрые и липкие.

– Пора стать чистыми. – Поднимает меня и тащит в уже знакомую ванную. Ставит на пол и кивком указывает на стеклянную кабину.

– Иди.

– А ты? – Понимаю, что ноги меня плохо держат и мне потребуется опора, чтобы не упасть.

– Не нарывайся. Еле на ногах стоишь. Если зайду вместе с тобой – снова трахну. – Демонстративно отворачивается, являя моим глазам упругую задницу, которую хочется потрогать.

– Как хочешь. Я не против, – выдаю равнодушно.

Захлопнув дверцу, выдавливаю на ладонь гель и включаю воду. Неожиданно становится тесно от того, что пространство занимает большой мужчина и на мои бёдра ложатся тяжёлые ладони.

– Что ты там сказала? Не против, значит? – шепчет в шею, захватывая пальцами сосок и перекатывая между фалангами, чтобы затем сжать и услышать мой всхлип.

Толкается между ног твёрдым членом, задевая складочки и возвращая к порочным мыслям. Чувствую себя голодной кошкой, которая познала неведомое ранее наслаждение и пытается нажраться досыта впрок. Пристраивает член между половинками попки, сделав пару призывных движений, а я подхватываю его манипуляции и трюсь о возбуждённый орган, который от трения становится ещё твёрже и больше. Ускоряюсь и даже сквозь звуки льющейся воды слышу учатившиеся дыхание Глеба.

– Сама напросилась, – выдыхает возле уха, нетерпеливо притягивая ближе.

Входит медленно, по сантиметру, словно растягивая и подстраивая себя. Издевательски монотонные толчки раздражают, и я двигаюсь ему навстречу, насаживаясь резко и сталкиваясь телами. Упираюсь ладонями в стенки кабины и подмахиваю попкой, желая ускорения и более глубокого проникновения.

Откуда это во мне? Или такой меня делает Глеб? Грамотно оценив обстановку и расшифровав наивную девушку, мгновенно подобрал ключ, позволивший делать ему всё, что вздумается. Но сейчас я согласна на всё, что он потребует, лишь бы мужчина вновь привёл меня за грань.

Выгибаюсь ему навстречу, где-то на подсознательном уровне понимая, что сейчас нужно именно так, хотя так у меня впервые. Приподнимает за бёдра, и мне приходится встать на цыпочки: член входит снизу-вверх, дарит новые для меня ощущения, заставляя протяжно стонать. Из меня вылетает громкий всхлип,

когда Глеб разжигает внутри пожар, вбиваясь, словно тяжёлый молот. Тело настолько чувствительное, что, кажется, где ни дотронься – везде хорошо. Толчок – и я трясусь в его руках, почти сползая по скользкой стене. Глеб почти сразу догоняет на финише, кончает на спину и утыкается в мой затылок, выравнивая дыхание.

– Твой вердикт? – раздаётся за спиной.

– Ч-что? – встряхиваю головой и всматриваюсь в одну точку перед собой.

– Я трахнул тебя лучше, чем жених?

– Да. – Нет смысла врать даже самой себе, а тем более ему.

– По шкале от одного до десяти сколько?

– Двенадцать, – отвечаю не задумываясь и разворачиваюсь лицом к мужчине. – Итоговый балл устраивает?

– Более чем.

– Теперь мне можно домой? – спрашиваю осторожно, чтобы не вызвать раздражение.

– Нет. Ночью не поедешь. Останешься до утра, сам отвезу. – Каждое слово подобно приказу и перечить я не решаюсь.

– С чего вдруг такая забота? – Мне показалось, ему плевать, что со мной будет. Если бы Глеб не согласился помочь, сейчас бы я бродила на улице в поисках места для ночлега.

– Один раз сегодня тебя уже выкинули на улицу, – мягко проводит по щеке, – второй – перебор.

Его слова неприятно оседают внутри, выворачивая наизнанку гадкую правду. Но я лишь отвожу взгляд, понимаю – он прав. Слишком много событий для одного дня; слишком хорошо рядом с ним, чтобы отказывать себе в удовольствии

насладиться мимолётным теплом.

Молча выходит, оставляя меня под струями воды. Возвращаюсь в комнату и останавливаюсь: Глеб меняет постельное бельё, аккуратно заправляя края простыни под матрас. Замечает мой взгляд:

- Постель мокрая. Мне не нравится.

Его квартира – его правила. Я никто, а завтра останусь для этого мужчины мимолётным воспоминанием, а то и вовсе незначительным моментом, ворвавшимся в его жизнь на короткий миг.

Растягивается на постели, закрывает глаза и, кажется, сразу засыпает. Устраиваюсь рядом, на самом краю, чтобы не потревожить хозяина. Он тут, но так далеко – чужой, посторонний, не мой. Одно движение, и я притянута к упругому телу, согреваемая его жаром. Устраиваюсь в объятиях Глеба, прижимаюсь сильнее и закрываю глаза в надежде согреться той мягкостью, что он с готовностью мне отдаёт.

- Спи, Котёнок. Завтра всё будет по-другому.

Глава 5

Проснувшись, не сразу понимаю, где я, и только горячее дыхание за спиной и тяжесть на моей талии заставляют вернуться в события вчерашнего дня и всего, что произошло потом.

Если бы вчера я всё же стала Евдокимовой, сейчас бы за моей спиной храпел Олег, пуская слюни в подушку. Ещё один минус моего бывшего жениха, который бы я желала исключить из своей жизни. Он, по счастливой случайности, исключился сам.

За окном уже совсем светло, а на часах семь утра. Мне пора удаляться из квартиры и жизни Глеба. Вчера я ещё долго не могла заснуть, обдумывая план своего побега. Его стремление позаботиться о девушке и лично доставить её

домой похвально, но мне это лишь навредит. Пока не представляю, насколько накалена обстановка дома и к каким выводам пришёл отец после всего случившегося, но моё появление в компании Глеба лишь усугубит непростую ситуацию. Лишние вопросы ни к чему, и, если я всё же хочу откреститься от навязанного брака, придётся прикинуться оскорблённой и обманутой невестой, а сейчас я похожа, скорее, на удовлетворённую, счастливую женщину, получившую персональную порцию блондинистого удовольствия.

Тихонько сползаю с кровати, на цыпочках пробираясь в ванную, и быстро провожу утренние процедуры. Нужно всё сделать быстро, чтобы, проснувшись, Глеб уже меня не застал на своей территории.

Беру его телефон, но на нём стоит шестизначный пароль, который при всём желании не разгадать. На мне та же рубашка, очень просвечивает, поэтому, ещё раз внимательно осмотрев шкаф, нахожу мужскую белую майку и надеваю как нижнее бельё. Подпоясываюсь мужским ремнём – почти стильный образ из какой-нибудь неординарной модной коллекции. Но у меня по-прежнему нет средств на такси, а вчера Глеб убеждал в отсутствии наличности. Моё внимание привлекает мужское портмоне на столе, и, открыв его, нахожу достаточно купюр.

Вот же засранец! И зачем, спрашивается, соврал? Мог избавиться от меня ещё на улице, отправив домой. Сколько там вчера таксист говорил? Десять тысяч? Именно столько и выживаю из кошелька, положив остальное на место.

Очень неприятно чувствовать себя воровкой, поэтому принимаю единственное, как мне кажется, верное решение и снимаю с пальца помолвочное колечко с бриллиантом. Уверена, Глеб ещё вчера понял, что это не подделка. Компенсация, на мой взгляд, более чем равноценная, к тому же я всё равно бы избавилась от этого кольца самым ужасным способом.

Задерживаюсь в дверях. Неприятный осадок терзает душу, и я решаю набросать пару строк, чтобы не уходить по-английски. Возможно, Глеб забудет обо мне сразу же после исчезновения из его квартиры, но я невероятно благодарна мужчине за приют и нежную ночь в крепких объятиях.

Взгляд падает на салфетку и огрызок карандаша на подоконнике. Пишу несколько фраз, подкрепляя каждое слово кольцом на записке, а перед уходом

заглядываю в спальню, напоследок окидывая взглядом Глеба.

Сексуальный, притягательный и такой большой – мечта. Увы, для меня ей не суждено сбыться. Мне кажется, Глеб не из тех мужчин, кого можно приручить, а затем окольцевать, заставив окунуться в тихое семейное счастье. Сам по себе: делает, что хочет; берёт, что пожелает. Этой ночью он пожелал меня, подарив незабываемые воспоминания, которые я нежно сохраню в самом дальнем уголке своего сердца. Он моя тайна, которая никогда не будет озвучена и раскрыта.

– Прощай, Глебушка... – шепчу с улыбкой на губах и, схватив туфли, бесшумно покидаю квартиру.

Яркое солнце ослепляет, приходится приложить ладонь, чтобы создать видимость козырька. Много людей, бегущих мимо меня по своим делам: выезжающие из двора автомобили, мамочки с колясками и дети резвятся на детской площадке.

Удивительно, где все эти люди были вчера? Непогода загнала всех в душные квартиры и по счастливой случайности на моём пути случился именно Глеб?

Втискиваю ноги во влажные, практически уничтоженные туфли со сломанными каблуками и иду к площадке, где виднеется множество машин. Моя задача покинуть этот район и добраться к Насте, чтобы позвонить отцу и придумать, где я была всю ночь.

Подхожу к первому же такси, заглядывая в приоткрытое окошко:

– Мне нужно в центр. Отвезёте?

– Куда именно?

Называю адрес подруги, и мужчина с сигаретой в зубах на секунду замирает. Пристально осматривает меня, отчего хочется закрыться.

– Шесть тысяч, устроит?

– Да, – радостно киваю.

– Деньги вперёд, красавица. А то вчера друг попал. Девчонку какую-то привёз на район, а она платить отказалась и ноги сделала. Так и не догнал. Очень расстроился.

Сглатываю, осторожно озираясь по сторонам в поисках «друга». Надеюсь, мой вчерашний таксист сейчас где-нибудь на другом конце города, иначе меня ждут большие проблемы.

– Конечно. Вот, – протягиваю деньги, и мужчина, выбросив сигарету в окно, выезжает на дорогу.

Оглядываюсь несколько раз, пока высотка, в которой я провела ночь, совсем не исчезает, оставляя внутри неприятную пустоту и горечь от прощания.

Но так лучше. Для меня и для Глеба в особенности. Ворох проблем, который образовался после неудавшейся свадьбы, ещё придётся разгрести не один день, а моему новому знакомому я не нужна ни в каком качестве.

Как только машина останавливается возле дома Насти, рвусь к дверям, дальше к лифту и молюсь, чтобы подруга была дома. Настойчиво звоню в дверь, пока за ней не слышатся отчётливые шаги.

– Аринка! – Настя бросается мне на шею, расцеловывая. – Чёрт! Ты где была? Куда пропала? Телефон твой в ЗАГСе остался, ты сбежала, твой папа в панике, Олег волосы рвёт на голове, Катя лыбится, как идиотка!

– Впустишь? – смеюсь, протискиваясь в квартиру и сразу скидывая влажные туфли, которые так и не высохли за ночь.

– О, а что с туфлями? – Подруга двумя пальцами поднимает уничтоженную обувь и крутит перед лицом, внимательно рассматривая. – Ты в военных действиях побывала, что ли?

– Потом расскажу... Дай что-нибудь переодеться. Джинсы, футболку, а то я вот, – кручусь перед ней в своём импровизированном наряде.

– О! Сейчас.

Настя выносит вещи, и сейчас я рада, что мы одного размера. Не люблю носить чужое, но выбора нет. Сейчас в особенности.

- Ты где была? Расскажешь?

После вопроса замираю, прикусывая губы, и решаю, стоит ли довериться Насте. Она, несомненно, самый близкий мне человек, посвящённый в нюансы моей жизни, но внутреннее чутьё подсказывает, что Глеб пока должен оставаться тайной.

- Сделаешь кофе? - Подруга тут же клацает кнопку чайника, выставляя кружки.

- Тебя по всему городу искали. Отец твой в ужасе орал на всех, особенно на женишка твоего, - прыскает и искренне смеётся.

- А в отеле искали? - отпиваю кофе и смотрю на Настю. Только что я придумала легенду, которая исключит Глеба и оставит меня в глазах всех обманутой невестой.

- В отеле?..

- Номер для новобрачных, в котором мы должны были провести ночь и утром отправиться в свадебное путешествие.

- Чёрт! Точно! - Настя подпрыгивает на стуле. - Я даже не вспомнила про него, представляешь! Никто не вспомнил!

Облегчённо выдыхаю, понимая, что теперь нужно ссылаться именно на этот вариант. Главное, самой поверить, что ночевала я именно там, а не под горячим боком Глеба.

- Позвонить не могла, телефон остался в сумочке. Да и не хотела, если честно.

- Понимаю... - Настя тяжело вздыхает. - Я б тоже не захотела разговаривать ни с кем после такого. Ты так быстро упорхнула, что я даже сообразить ничего не успела, ну а потом уже начались разборки, обвинения, крики...

– Кто кричал?

– Отец твой на Евдокимова, он, в свою очередь, на него. Назвал Олега идиотом, который не смог удержать член в штанах. Потом все переключились на Катю, на защиту которой встала Вера. Объявили гостям, что банкет отменяется и все могут разъезжаться по домам, прихватив подарки. А дальше все бросились на поиски. Я поехала домой по настоянию твоего папы на случай, если ты приедешь ко мне. Уже звонил, узнавал, не объявилась ли ты.

– Дай позвонить, – прошу Катю, понимая, что беседы не избежать, а предупредить переживающего родителя нужно. Он инициатор этой свадьбы, но не виновник всего, что случилось вчера. Набираю номер и через несколько секунд слышу встревоженный голос отца:

– Не объявилась, Насть? – слышу уставший тихий голос.

– Объявилась, – говорю твёрже, чем обычно.

– Арина! – Он почти визжит. – Ты где была? Я места себе не нахожу. Переживаю. Кто так делает?

– Так делает женщина, свадьба которой сорвалась из-за того, что её жених трахнул другую.

– Что за выражения? Трахнул!

– Прости, пап, другими словами звучало бы менее эпично, – фыркаю. – Называю вещи своими именами. Как есть. Без прикрас.

– Где ты была?

– В отеле. В номере для новобрачных. Мог бы догадаться.

– Точно! – Я даже слышу, как он бьёт себя ладонью по лбу. – Я о нём не подумал!

И хорошо, что не подумал. По крайней мере сейчас у меня есть пути отступления – без подозрений и лишних вопросов.

- А я подумала. Переночевала там. Сдала ключи. Поехала к Насте для начала.

- Когда будешь дома? Прислать машину?

- Не надо присылать. Буду позже. Хочу поделиться с подругой своими переживаниями. Всё-таки мой жених оказался тем ещё козлом, и теперь мы просто обязаны перемыть все его косточки до кристального блеска. Надеюсь, он загнётся от икоты!

- Переживаешь? - Отец переходит на шёпот.

- Я больше переживаю, что в нашем доме живёт очковая кобра, которая прикидывается примерной девочкой. Пустила пыль в глаза, а ты и рад стараться.

- С Катей я провёл беседу. Мы долго разговаривали, обсуждали случившееся и пришли к выводу, что это минутное помутнение.

- Ха. Ха. Ха.

Отец замолкает, тяжело дышит в трубку. Неужели он настолько слеп и не видит

- Катя не нежный цветочек, пригибаемый ветром, скорее, фурия, скрывающаяся под личиной праведницы.

- Я буду тебя ждать дома.

- Хорошо.

Скидываю звонок. В общем-то, чего-то подобного я ожидала от папы, который ведётся на каждый жалобный писк «своих девочек». Разочарована, но не удивлена. Не совсем ясна позиция Евдокимовых, и отец умолчал о решении по нашему браку. Вероятно, дома меня ждут ещё новости, и сомневаюсь, что они будут приятными.

- Что на тебе надето? - Настя меня осматривает со всех сторон.

– Когда бежала из ЗАГСа, упала. Платье испорчено. Пришлось просить у мужчины из соседнего номера майку и рубашку, чтобы добраться к тебе. Приготовленные для путешествия вещи остались в лимузине.

– Снимай быстрее, – даёт мне сменную одежду. – А это выбросим. Мало ли кто её носил... – Сворачивает рубашку и собирается выкинуть в мусорное ведро, но я успеваю перехватить.

– Нет. Я вернуть ему обещала. Он в этом отеле ещё пару дней будет жить. Она дорогая.

Отбираю рубашку и аккуратно складываю. Не знаю почему, но для меня является жизненной необходимостью сохранить вещь, которая пропитана запахом Глеба. Скорее всего, я затолкаю её в самый тёмный угол, чтобы иногда, в полном одиночестве, выуживать на свет собственные воспоминания и прогонять в мыслях снова и снова, пока его образ не растворится во времени, оставшись лишь размытой дымкой.

– Как скажешь, – сдаётся подруга. – Что с Олегом?

– А что с ним?

– Договорённость с Евдокимовыми в силе?

– Не знаю, – равнодушно пожимаю плечами, – вероятно, «самые приятные новости» ждут меня дома.

– Твой папа так вчера на него орал, думала стёкла повьелетают. Какими только «прекрасными» словами не обозвал твоего жениха.

– Поверь, мысленно я называла его ещё хуже!

– Мне кажется или тебе всё равно? – Настя пылливо вглядывается в моё лицо. – Знаю, великой любви между вами не было, но ты же дала согласие на брак. Говорила, он тебе нравится.

– Нравился, – подтверждаю, – ровно до вчерашнего дня. Все имеющиеся чувства были уничтожены в тот самый момент, когда я открыла дверь туалета.

А их остатки выбил из меня Глеб, когда я стонала и извивалась под ним, сотрясаясь от очередного оргазма. Благодаря ему я поняла – хочу, чтобы мужчина вызывал во мне стойкое желание отдаваться без оглядки, сгорать и возрождаться, тянуться и желать каждого прикосновения, отключаясь от действительности и всматриваясь в прозрачную глубину холодных глаз. Его глаз. Которые я больше никогда не увижу.

На секунду проваливаюсь в мысли, почему-то возвращаясь в квартиру, где провела ночь. Он уже точно проснулся, обнаружив записку и кольцо в виде компенсации материального ущерба. Кажется, даже чувствую его радость и облегчение – проблема самоустранилась, и его жизнь вернётся в привычное русло, монотонно двигаясь дальше. Я лишь момент в его судьбе, появившийся и исчезнувший в улицах огромного города, где существуют тысячи подобных мне девушек, которые способны привлечь внимание Глеба, задержавший надолго в его устоявшемся мире. Я никто – мимолётное развлечение, согревшее теплом своего тела и оставившее нежные поцелуи на его теле. Одна из... Через пару дней он, возможно, мысленно позволит себе вернуться к ночной гостье, а ещё через неделю и вовсе не вспомнит, кто такая Арина. Значит, и мне помнить не стоит.

– Арин, – голос Насти возвращает в реальность, – о чём задумалась? У тебя глаза на мокром месте. Из-за Олега, да?

– Да, – лгу, ссылаясь на вчерашнее событие, лишь бы не делиться информацией о Глебе. – Очень обидно. Ещё хуже, что отец встал на сторону Кати, поверив в её лживые оправдания.

– И как ты с ней теперь будешь общаться? Жить в одном доме?

– Не знаю. Я пока не решила. Всё зависит от того, какие чувства испытаю при виде неё. Будем отталкиваться от этого.

Хочется исчезнуть из дома, переместившись волшебным образом на другой край страны, но увы, я по-прежнему не замужем, а значит, под тотальной опекой отца.

Глава 6

Возвращаюсь от Насти ближе к вечеру, полностью игнорируя звонки отца и его недовольство по поводу моего продолжительного отсутствия. Перед свадьбой его почти отпустило, и он ослабил поводок, так долго меня удерживавший около его ноги, но теперь, предполагаю, тот вновь натянется, не позволив отойти ни на шаг.

– Добрый вечер.

Останавливаюсь в дверях гостиной, наблюдая папу, Веру и Андрея Владимировича, отца Олега. Что ж, возвращаемся к тому, с чего начинали – к договорённостям, и, вероятно, мой несостоявшийся свёкр будет настаивать на заключении брака.

– Ариночка, детка. – Мужчина подсакивает и бежит ко мне, желая заключить в объятия. Но я делаю шаг в сторону, всем своим видом показывая, что не желаю тесного контакта. – Ну ладно. – Останавливается, быстро понимает, что к нежностям я не расположена. – Мы тут с твоим отцом обсуждали вчерашний... инцидент...

– А-а-а, то есть, тот факт, что ваш сын занимался сексом с Катей на моих глазах в туалете за пять минут до регистрации брака, можно назвать просто «инцидентом»? – взвизгиваю.

– Арина! – Отец вскакивает, но тут же останавливается, вновь оседая в кресло. – Мягче, – цедит сквозь зубы.

– Напоминаю всем присутствующим: именно мне вчера изменили; именно я обманутая невеста, с которой жених поступил по-свински; именно моё счастье было вчера разрушено. – От обиды слёзы давят противным комом, но, скорее, не по причине самой измены, а из-за непонимания отца, который, судя по виду, всё ещё надеется на заключение сделки.

– И кто в этом виноват? – Голос подаёт Вера.

– Твоя дочь, если ты забыла. Именно та, которая стояла раком перед моим женихом.

– Не смей так говорить о Кате! Она просто оступилась. Демьян провёл вчера с ней разъяснительную беседу. Она поняла степень тяжести своего проступка. – Обходит отца, становится за спиной и по-собственнически кладёт руку ему на плечо. Он в любом случае займёт сторону Веры, поэтому отбиваться мне придётся в одиночку.

– Знаешь, давно хотела сказать, что твоя дочь безобразно воспитана: наглая, беспардонная хамка, которая лезет в жизнь людей, совершенно не понимая, что она там не нужна. Вопрос: а кто воспитатель? – приподнимаю бровь, ожидая ответа от Веры. В меня летят огненные молнии, готовые уничтожить на месте.

– А кто твой?

– Ты за ним замужем, – кивком указываю на отца. – Хочешь сказать, что он плохой отец?

– Не перекручивай, – шипит.

– Даже не пытаюсь. Только факты. Факт первый: Катя, которая суёт нос в мою жизнь на постоянной основе, решила расстроить мою свадьбу исключительно из зависти. Факт второй: не знаю, что ты говоришь отцу, но всегда и во всём крайняя я, в то время как ты и твоя великолепная дочурка почти святые. Факт третий: если у вас, – киваю на Евдокимова, – или у тебя, – смотрю на отца, – были планы, способствующие нашему с Олегом воссоединению, спешу разочаровать – я его даже видеть не желаю.

– Ариночка, подумай хорошенько, – почти поёт отец Олега, – возможно, ты сможешь простить моего сына, забыть эту оплошность и начать всё с чистого листа. А там и свадьба по новой...

– Кого трахаешь, на той и женись! – Слова выскакивают неосознанно, поражая всех в комнате. Слово в слово, как сказал Глеб. Грубо, резко, даже грязно, но так в тему, что я невольно улыбаюсь, вспомнив хамоватого блондина. Одна ночь, и вот я уже нахваталась от него грубых словечек.

– Арина! – Отец повышает голос, всё же поднимаясь. – Откуда эта невоспитанность?

– От её дочери, – киваю на Веру, – Катенька у нас в выражениях не стесняется. Общение с ней плохо на меня влияет, именно поэтому с сегодняшнего дня оно сократится до минимума. Если ты, конечно, не желаешь, чтобы «трахаться» я использовала для связки слов.

– Не желаю.

– Вот и договорились. Я возвращаюсь к прежнему расписанию: институт, Настя, дом. Прошу вернуть моего водителя-охранника Илью, договор с которым был разорван по причине моего замужества. Вашего сына видеть не желаю, какими бы ни были ваши с отцом договорённости, – ловлю недовольный взгляд Евдокимова. – А теперь хочу обдумать всё произошедшее и элементарно отдохнуть в своей комнате. Послезавтра у меня экзамен, который я бы пропустила из-за поездки за границу, но теперь брошу все силы на подготовку к нему. Всем спокойной ночи.

Разворачиваюсь и ухожу, не дождавшись комментариев присутствующих. Комната встречает чистотой и множеством сумок, которые я собрала для переезда к Олегу. Сейчас благодарна службе доставки, которая вчера пропустила выезд на мой адрес и перенесла выполнение заявки на два дня. Распаковываю вещи, развешивая и складывая в шкафу.

Несколько минут сжимаю в руках рубашку Глеба, а затем с жадностью вдыхаю приятный запах с нотками табака, возвращаясь к прошедшей ночи на смятых простынях.

Что он сейчас делает? Куда едет? На кого смотрит? О чём думает? Я никогда не узнаю.

«Завтра всё будет по-другому». Глеб был прав. Теперь всё по-другому. Если раньше я просто остерегалась Веру и Катю, то теперь нужно максимально ограничить любые контакты с ними. Я была уверена, что Катя успокоилась, нашла свою компанию, друзей и занятия, исчезнув из моей жизни, но нет. И Олег ей не нужен. Целью была я – унижить и растоптать, лишив меня возможности

уехать из этого дома.

Кате всё время напоминали, что она не родная кровь, в свою очередь она не забывала напоминать мне о невозможности свободы передвижений и гиперопеке отца. Каждый раз, собираясь отправиться на очередную тусовку, Катя обязательно навещала меня в комнате, чтобы блеснуть откровенным нарядом и подробно рассказать о планах на вечер. Видела, что я с завистью сглатываю каждое слово, и, нажравшись досыта моих эмоций, с улыбкой на лице уезжала из дома.

Больше она не переступит порог этой комнаты и не удостоится элементарного приветствия. Хорошая девочка больше не желает быть хорошей.

Нестерпимо хочется с кем-то поговорить, излить душу и почувствовать элементарную жалость. Мама. Осматриваюсь, уткнувшись взглядом в свою сумку, брошенную на кровать. Вероятно, папа привёз из ЗАГСа. Достāju телефон, а включив, получаю множество оповещений: куча звонков от папы, Насти, Олега и несколько от мамы.

Набираю номер, который отзывается протяжными гудками в трубке. Не берёт. Вероятно, занята, и лишь потом вспоминаю, что разница с Курильскими островами восемь часов. У мамы сейчас семь утра. Телефон вибрирует.

– Мам, привет! Не разбудила?

– Нет, ребёнок. Уже все проснулись. У нас воскресенье не является выходным днём, – звонко смеётся в трубку, согревая тёплыми нотками родного голоса.

– Как твои вулканы?

– Стоят: некоторые спят, некоторые в полудрёме доставляют неудобства. Я так жалею, что не попала на твою свадьбу... Ну ты же знаешь, корабль приходит два раза в сезон и только смерть является причиной, чтобы тебя на санитарном рейсе доставили на сушу, но со мной, слава богу, всё в порядке.

– Мам, не было свадьбы.

- Как не было? Ты фото в платье прислала, а с Демьяном я разговаривала за час до регистрации.
- Mam... - Собираюсь с духом и выкладываю все события вчерашнего дня, умолчав только об одном важном моменте - встрече с Глебом.
- Вот же Демьян, - шипит, - ни слова не сказал. Хоть бы позвонил. Твой отец не меняется.
- Да не в нём дело. Я сбежала, переночевала в отеле. Телефон остался в сумке. Он и сам не знал, где я, может, просто не хотел, чтобы ты волновалась?
- Мне кажется, твой отец перестал волноваться о моём благополучии пять лет назад, когда мы развелись. В общем-то, с тех пор ничего не изменилось... - вздыхает, замолкая на пару минут. Даю ей время. Так всегда происходит, когда кто-то из родителей вспоминает прошлое.
- Mam, не надо, - умоляю. Только не сейчас. Я не готова к душевным разговорам и воспоминаниям, от которых не станет легче.
- Ладно-ладно. Что будешь делать дальше?
- Учиться. Остался год, после защиты пойду на практику в Министерство иностранных дел. Настины родители обещали помочь и устроиться по желаемому направлению. Кто знает, может, получится попасть в ряды дипломатической миссии в Париже. Со временем, конечно, не сразу.
- У тебя всё получится, ребёнок. Я хочу, чтобы вчерашняя ситуация сделала тебя твёрже, устойчивее. На твоём жизненном пути будет ещё много ям и кочек, а мы не всегда будем рядом.
- Я стараюсь, - хлюпаю носом, желая укутаться в мамины объятия. Но нас разделяют одиннадцать тысяч километров и её работа. - Когда ты приедешь?
- Через пару месяцев. Потом практически сразу улечу в Индонезию, предположительно на год.

– Снова уедешь?

– Да. Жалко, что не во Францию, была бы немножечко ближе к тебе. – Мама улыбается, слышу, а бархатный голос на миг возвращает в детство, когда она, вернувшись из очередной поездки, приходила в комнату и гладила по волосам, пока я не засыпала.

– Я так редко тебя вижу...

– Не переживай, ребёнок, на твою следующую свадьбу я точно приеду. – Смеёмся вместе, и я понимаю, что разговор с мамой всегда, словно волшебная таблетка, которая снимает тяжесть с души и дарит крылья. – Мне пора, все ждут. И запомни: один плохой мужчина не повод всех считать таковыми. Люблю, пока.

– Люблю...

Не хочу больше ничего раскладывать, поэтому забираюсь на кровать, подгибаю ноги и выключаю свет. Долго всматриваюсь в темноту, размышляя о случившемся.

Что удивительно, нет обиды на Олега и даже на Катю, так глупо и открыто подставившую меня. Даже не испытываю злости и желания отомстить людям, которые испоганили день моей свадьбы. У судьбы свои планы, и, вероятно, где-то там, на пересечении кривых линий судьбы, была предначертана моя встреча с Глебом.

Каждый человек, который пришёл в нашу жизнь, для чего-то необходим. Случайности отсутствуют, и даже когда нам кажется, что всё произошло посредством элементарного стечения обстоятельств, цепочка событий запущена задолго до часа икс, и мы лишь слепо идём в заданном направлении, перебирая тонкие звенья. Иногда кажется, что запутался, свернул не туда, выбрал неверный путь, но на самом деле «правильно» априори не существует, потому что человек – существо эмоциональное и способное действовать сиюминутно, не задумываясь о последствиях.

Думала ли, когда сбегала со свадьбы, что в итоге окажусь неизвестно где с мужчиной, способным эмоционально встряхнуть и показать, что я могу быть другой? Незапланированная встреча, нужный разговор и ночь в одной постели

напрочь выжгли во мне сожаления об испорченной свадьбе с человеком, к которому я не испытываю глубоких чувств.

Глеб спас меня от самоуничтожения, которое логически должно было накрыть с головой уже через несколько часов. Я бы изводила себя сожалениями о случившемся, боялась откровенного разочарования отца и его рухнувших надежд на выгодную сделку; осуждения со стороны Евдокимова-старшего и сотен гостей; контакты с Катей не были бы разорваны, и девушка по-прежнему нагло вторгалась бы в мою жизнь.

Щелчок. Тумблер переведён в верхнее положение. Активирован новый режим.

Пока не решаюсь предположить, как будут дальше развиваться события, но мне осталось перетерпеть год, а после окончания института никто не сможет удержать меня в этом доме, и вот тогда начнётся новая глава в моей жизни, называемая «свободой».

Глава 7

Полгода спустя

Арина

– Доброе утро, Илья, – проскальзываю в салон автомобиля, и дверь тут же закрывается.

– Куда едем, Арина Демьяновна?

– Сначала за Настей, затем в институт.

Водитель согласно кивает, покидая парковку нашего дома. Чувствую себя в безопасности рядом с охранником, который последний год находится рядом почти каждый день. Контракт Ильи прерывался на два дня, когда я планировала выйти замуж за Олега, но быстро был восстановлен. Очень обрадовалась, когда узнала, что мужчину ещё не отправили к другому клиенту – привыкла.

Пока едем, набираю Настю, предупреждая, что мы близко, а значит, она, уже собранная, должна ждать нас около своего дома.

- Привет. - Подруга вваливается в салон, плюхаясь рядом. - Вот за что я терпеть не могу зиму, так это за кучу вещей, которые нужно на себя натянуть. Ни повернуться, ни вздохнуть! - Расстёгивает шубку и с облегчением выдыхает, но сразу же подаётся резко вперёд, обхватывая водительское сиденье с двух сторон: - Доброе утро, Илья. Как провели выходные?

- Прекрасно, Анастасия. Отдыхал, смотрел фильмы и был на встрече с друзьями. А вы?

- Замечательно. Тоже смотрела фильмы и усердно работала над дипломом. Провела выходные в гордом одиночестве, мечтая, чтобы кто-нибудь составил мне компанию. Но увы и ах!

Подруга наигранно смеётся, а я отворачиваюсь, чтобы не мешать уже ставшей привычной беседе. Симпатия Насти к Илье настолько очевидна, что даже слепой почувствует, как девушка вибрирует, словно струна, в его присутствии в попытках вызвать интерес. Неужели он не замечает? Или просто не желает замечать? Возможно, Илья связан отношениями или того хуже - браком, и лёгкий флирт с Настей по утрам своего рода аперитив перед началом трудового дня. Или мужчина элементарно тешит собственное самолюбие, когда видит, как молоденькая блондинка растекается лужицей в его присутствии, с придыханием улавливая каждое слово.

- Что, совсем некому разнообразить ваш досуг?

- Представьте себе, - разводит руками, кивая, - так бывает, Илья.

- Ну в следующий раз звоните. Разбавим гордое одиночество компанией друга. - Он улыбается, а Настя, кажется, сейчас в обморок грохнется от откровенного ответа. Илья прямо уведомил подругу, что не против её компании, когда как полгода отшучивался, играя тонкими намёками.

Настя откидывается на сидении так, чтобы Илья не увидел её в зеркало заднего вида, закрыв глаза и поджав ноги, бесшумно пищит, еле сдерживая рвущиеся

наружу эмоции. Готова расхохотаться от обескураживающей искренности подружки, но одёргиваю себя, чтобы не выдать девушку перед Ильёй. Он, в свою очередь, улыбается, прикусывая губу и делает вид, что сосредоточен на дороге. Чувствую себя лишним элементом, мешающим случиться чему-то необыкновенному.

– Ты, как всегда, налегке? – Наконец приходит в себя, собравшись, и осматривает меня с ног до головы.

– Я села в машину – меня отвезли. Снова села – привезли. По улицам не хожу, замёрзнуть не успеваю, – развожу руками. – Ты же со мной сегодня, а оделась, будто тебе пешком через весь город идти.

– Привычка, – вздыхает, совсем снимая шубу. – Решила, что на Новый год будешь делать?

– Как будто мне кто-то позволит решить, – недовольно хмыкаю. – Папа устроит стилизованный новогодний банкет для друзей и знакомых с громким салютом и приглашёнными артистами. Дом превратится в бесконечный поток людей, заглядывающих в каждый уголок в поисках тишины или уединения, а я поброжу в этой толпе несколько часов, послушаю куранты и пойду спать. Всё, как всегда. Ничего нового. Я бы с тобой хотела...

– Знаю, Арин. Но мои родители всё время в разъездах, я их вижу несколько раз в год. Их работа в Германии окончена, и теперь они перебираются в российское представительство в Париже. На Новый год отправлюсь к ним, всего на неделю, но и этого вполне достаточно, чтобы насладиться их обществом.

– Я всё понимаю. – Сжимаю ладонь подружки, сожалея, что этот Новый год проведу без неё.

– Но есть плюсы! До получения диплома ещё полгода, и у нас есть время прощупать почву для работы. Намного проще попасть в дипломатическую миссию, когда есть знакомые. – Настя подмигивает, намекая, что её папа с мамой – наш шанс покинуть страну и работать за границей. – Да и ты могла бы попросить отца поспособствовать...

- Не могла бы, Насть. Мне проще попросить твоих родителей. Папа изначально был против моей специальности, не желая признавать возможность выезда из страны. Он, скорее, создаст мне дополнительные препоны на пути к цели, чем поможет.

- Что, всё по-прежнему?

- Да.

Телефон оповещает о входящем сообщении, и мне даже не требуется открывать, чтобы узнать, кто отправитель.

Олег: Ариночка, доброе утро! Пусть у тебя будет прекрасный день! Надеюсь, ты согласишься поужинать со мной?!

- Он?

- А кто же ещё? - недовольно фыркаю, не отвечая на сообщение. - И как не надоело писать в пустоту? Каждое утро, как часы: идиотская картинка и пожелания на день с кучей восклицательных знаков.

Вспоминаю, как первое время откровенно злилась, получая короткие сообщения Олега - сначала с просьбами простить, а затем с предложением встретиться. Но встретиться не хотелось, как и просто поговорить. Наступает момент, когда отчётливо понимаешь - тебе больше нечего сказать человеку. Нет упреков, вопросов, претензий - ничего нет. Словно кто-то вытер белым ластиком каждую эмоцию, которую ты когда-то испытывал к человеку, сделав его прозрачным пятном.

- И правильно. Он мне никогда не нравился. Со странностями парень.

- В каком смысле?

- Да в прямом. Правильный до тошноты - любезный, услужливый. Смотри, вот-вот реверанс отвесит.

– Настя, реверанс – это по женской части, – смеюсь в голос, представляя озвученную картинку.

– Без разницы. Мужчина должен быть с лёгким налётом хамоватости, понимаешь? Когда в глазах окружающих он невыносимый хам, которого хочется послать куда подальше через пятнадцать минут общения, а с тобой заботливый и нежный до визга.

Неосознанно в памяти всплывает образ Глеба: фирменная ухмылочка, резкие высказывания и глубокие поцелуи. Полгода прошло, и я наивно рассчитывала стереть из воспоминаний наглого блондина, с которым провела ночь. Я почти о нём не думаю: немного утром, немного вечером и чуть-чуть ночью. Всего-то...

– Проснись и пой!

– А?..

– Арин, приехали говорю. Выходим. – Настя подталкивает меня, подгоняя в спину.

Илья глушит машину, смиренно ожидая на парковке, когда закончатся наши занятия. Полгода до защиты диплома, работа над которым в самом разгаре, но движется очень медленно. Я по наивности выбрала сложную тему, информацию для которой приходится выжимать по капле из множества источников.

Посещаем две пары и отправляемся к своим кураторам, чтобы обсудить ошибки и нестыковки. Задерживаюсь на несколько часов, обсуждая каждую строчку в работе. Преподаватель терпеливо указывает на каждую ошибку, объясняя, что именно нужно подправить, и отпускает меня с кучей правок.

После неудавшейся свадьбы я стараюсь меньше времени проводить дома в обществе Веры и Кати. И если жене отца достанется хотя бы скупое приветствие, то сводная сестра исключена из списка людей, с которыми мне приятно пересекаться – минимум общения и существование друг от друга на максимально удалённом расстоянии.

Насколько я поняла, папа предлагал Евдокимову Катю в качестве невестки, но тот наотрез отказался, сославшись на невозможность такого брака по причине отсутствия кровного родства. Вероятно, Олег с подачи отца делает попытки наладить общение, потому что, несмотря на несостоявшийся брак, папа и Евдокимов всё равно создали новую компанию, занимающуюся перевозками по всей стране. Несколько раз мы беседовали, обсуждая возможность прощения Олега, но я оставалась непреклонной, и никакие доводы со стороны отца не помогли изменить моего решения.

Я чувствую, как на меня давят, склоняя к браку с Евдокимовым, и даже Вера пару раз обмолвилась, что ничего ужасного не произошло – все изменяют. Но пока стоически отбиваю все предложения и нападки, которые летят в мою сторону. Мне нужно продержаться полгода, чтобы, устроившись на работу, а ещё лучше уехав за границу, покинуть дом отца и выскользнуть из-под его опеки.

Самое ужасное, что даже мама не может мне помочь. Если бы она жила в Москве, я бы уже давно перебралась к ней. Мне двадцать четыре, но порой я чувствую себя пятнадцатилетним нашкодившим подростком, за которым постоянно приглядывают. Готова мириться с проживанием в доме отца, чрезмерной опекой и закрытой жизнью ради цели, которая для меня превышает всего.

Задерживаюсь в институте настолько долго, насколько могу, но Настя скулит и просится домой. Она понимает всю сложность моего положения, но не виновата в семейных перипетиях, не имеющих к ней отношения.

Бежим к машине, и Илья, увидев нас, заметно оживляется. Даже не знаю, почему мужчина до сих пор остаётся моим охранником – скучно и однообразно. Но за год я не слышала от него ни одного замечания или недовольства. Договор с охранной фирмой заключён на год, и, возможно, после переподписания мне предоставят кого-то другого, тем самым разбив вдребезги сердце моей подруги.

Настя всю дорогу воркует с Ильёй, став после утренней беседы немного смелее и напористее. То и дело одёргиваю её, но, получив многозначительный взгляд водителя с молчаливым намёком «заткнись и не мешай», откидываюсь на сидении и погружаюсь в собственные мысли. С некой долей зависти периодически наблюдаю за парочкой – мимолётные взгляды, тонкие намёки, лёгкие касания, – на моих глазах между ними образовывается тонкая нить,

которая, возможно, свяжет этих двоих, и общение перерастёт в нечто большее.

Настя с трудом отрывается от Ильи и, попрощавшись, почти вприпрыжку скачет к своему дому. Я никак не комментирую их общение – не моё дело, со своей бы жизнью разобраться. Прилетает смс, и я сразу его открываю, предполагая, что подруга желает выяснить, не поделился ли со мной чем-нибудь Илья, но разочарованно вздыхаю.

Олег: Красавица, ты подумала? Пойдёшь со мной на свидание?

Закрываю глаза и почти скулю от безнадёжности, не понимая, как ещё, более доходчиво, объяснить человеку, что не желаю с ним встреч.

Я: Нет, нет и ещё раз нет! Даже если ты останешься последним мужиком на этой планете и от нас будет зависеть развитие жизни – нет! Не пиши мне.

Отправляю сообщение, ожидая ответа в стиле Олега, но оно, к моей радости, не приходит. Неужели понял?

– Приехали. – Илья не глушит машину, ожидая, когда я выйду. – Напомните отцу, что нужно продлить договор или же аннулировать его. Насколько я понял, ему звонили из фирмы, но он был занят и не перезвонил. Всего-то и нужно подтвердить продление и оплатить счёт. Личного присутствия не требуется.

– Да, конечно, – тут же отзываюсь. Мнусь, но всё же решаюсь спросить: – Илья, вам не скучно со мной?

– В каком смысле? – Мужчина откровенно напрягается, разворачиваясь на сидении, чтобы посмотреть в глаза.

– Ежедневный монотонный маршрут, одни и те же места, лица и события. Никаких экстремальных ситуаций, неожиданных поклонников и погонь. Может, вам скучно? Я пойму и попрошу кого-нибудь другого.

– Больше года назад я получил ранение, когда во время митинга толпа набросилась на депутата, которого охранял. Месяц в больничке провалялся, потом реабилитация, после которой мне были противопоказаны физические

нагрузки. Работа с вами дала мне возможность полностью восстановиться, так как был не готов отбиваться от толпы, протискиваться сквозь ряды митингующих и бегать за энергичными звёздами. А теперь привык и вполне доволен. Да и ребята не в восторге, когда им достаются такие «скучные» клиенты, – усмехается, – им нужно больше адреналина. Я за год пистолет из кобуры ни разу не доставал. Меня всё устраивает, а вас?

– И меня, – улыбаюсь, давая понять, что мы услышали друг друга. – Значит, до завтра?

– Всего доброго, Арина Демьяновна.

После разговора с Ильёй становится легче. Правда, не озвучила, что он со мной проведёт максимум полгода, а дальше я планирую покинуть дом и жить своей жизнью, в которой охрана мне не нужна. Изначально это была не моя прихоть, а лишь навязчивая идея отца оградить меня ото всех и всего. Была бы его воля, вообще бы из дома не выходила, как в первый год после смерти Антона.

Лишь за одно благодарна Вере – с её появлением внимание папы сместилось в другую сторону, поводок немного ослабили, и мне было позволено снова вернуться в социум и общаться с людьми. На меньшее я не согласна, особенно теперь, когда долгожданная свобода так близко, манит меня множество дорог и вариантов.

Захожу в дом, желая проскочить мимо столовой наверх, не столкнувшись с домашними.

– Привет. Поужинаешь с нами? – Голос отца заставляет остановиться. И какой идиот сделал вместо двери в столовую открытую арку?

– Я не голодна. Мы с Настей в кафе были.

Вру, конечно. После института Илья завозит меня в небольшое кафе, расположенное по пути к нашему дому, я ужинаю и лишь потом отправляюсь домой. Водитель вопросов не задаёт, а я таким образом избавляюсь от компании родственников за ужином.

– Даже не помню, когда видел тебя за одним столом со всеми, – чиркает недовольным взглядом, поглядывая на Веру. – Совсем отстранилась, словно мы и не семья тебе вовсе.

– Ты семья. – Даю понять, что остальные проживающие в этом доме не являются для меня близкими. – Но, увы, такая роскошь, как ужин в кругу семьи, мне давно недоступна.

– Ты изменилась. – Вера неспособна промолчать, вставляя свой «драгоценный» комментарий. – Стала более... резкой.

– О, это благодаря присутствующим. Особенно одной. – Смотрю на Катю, которая, потупив взгляд, ковыряется в тарелке. Сама невинность, только нимба над головой не хватает. – Некоторые, сами того не желая, поспособствовали тому, что у меня прорезались зубки. А теперь извините, но у меня много работы. Преподаватель внёс правки в мою дипломную работу. Необходимо заняться исправлениями. Хотя простите, – хлопаю себя ладошкой по лбу, – ни одной из вас не знакомо понятие «высшее образование».

– Арина! – Отец резко поднимается, отчего стул с грохотом опрокидывается на пол.

– Поняла-поняла, – поднимаю руки, – исчезаю. Более не смею нарушать семейную идиллию.

До последнего улыбаюсь, чтобы никто не понял, как обидно быть чужой в собственном доме. Влетаю в свою комнату и, закрыв дверь, наконец расслабляюсь. После неудавшегося брака и скандала на свадьбе Катя ни разу не приходила в мою комнату. Извинений я от неё так и не услышала, но главное – она больше не приближается.

Глава 8

Наслаждаюсь тишиной в своей комнате и мгновенно погружаюсь в работу. Тема диплома, которую я выбрала, безумно интересная и невероятно сложная. Не

замечаю, как пролетает время, и лишь негромкий стук в дверь отвлекает от монитора ноутбука, заставляя насторожиться.

– Дочка, не спишь? Можно?

Отлично! Вера уже обработала отца, и теперь меня будут отчитывать, будто несмышлёного ребёнка, который позволил огрызнуться на старших.

– Можно.

– Давно не был в твоей комнате. – Осматривается, словно впервые в этой части дома. – Это уже не комната девочки.

– Я уже давно не маленькая. Мне двадцать четыре, но ты продолжаешь ограничивать мои действия, словно мне пять лет и каждый острый угол является явной угрозой.

Отец тушует, прекрасно понимая, что имеется в виду. Он давно всё понимает, но подсознательный страх, сковавший родителя шесть лет назад, не позволяет отпустить меня в свободное плавание, предоставив свободу выбора и действий.

– Ты знаешь почему.

– Знаю. Но у тебя было достаточно времени, чтобы увидеть – я другая: не совершаю необдуманных поступков, не лезу туда, где опасно, имею голову на плечах, которую использую по назначению.

– И когда ты так повзрослела? – Проводит ладонью по волосам, взъерошив длинные серебристые пряди, и усаживается на край кровати, словно непрощенный гость, которому неуютно в моём присутствии. – Я пропустил этот момент. – Улыбается. По-отечески, по-доброму, как папа, которым он был несколько лет назад.

– Просто ты смотрел в другом направлении. Всё внимание перетянули на себя Вера и Катя.

– Кстати, о них... – А вот и настоящая причина, по которой отец сейчас в моей комнате.

– Если ты пришёл отчитать меня за сказанное несколько часов назад – зря. Я не сожалею. Угрызений совести не испытываю.

– Просто прошу быть... мягче. – Опускается передо мной, зажимая ладони в своих тёплых руках. – Самую малость.

– Пап, давай начистоту. Последние пять лет Катя настырно вваливалась в мою жизнь, не принимая отказов. Я мягко пыталась донести, что её дружба мне не нужна, но при этом готова к общению и взаимодействию. Она человек без тормозов, неспособный понять, что на момент её появления моя жизнь, как и круг общения, уже сформировалась и кого-то нового близко подпускать я не желаю. И вот когда я расслабилась, удостоверившись, что её жизненные ориентиры развернулись на сто восемьдесят градусов, она изгадила мою свадьбу. Не надо сейчас её оправдывать, – останавливаю отца, открывшего рот, чтобы встать на защиту Кати, – ты не видел выражения её довольного лица, когда я открыла дверь туалета. И что бы она тебе ни говорила, уверена – всё было спланировано заранее. А Олег, которого ты называл серьёзным и надёжным, так глупо повёлся на провокацию. Я исключила Веру и её дочь из своей жизни. Возврат не предусмотрен.

– Вера – моя жена. Просто напомним. И обе женщины живут в моём доме, как и ты.

– Тогда отпусти меня. Позволь съехать из твоего дома и построить свою жизнь.

Отец поднимается, недовольно хмыкая. Эта тема поднималась не раз, но результат всегда одинаков – сиди и не рыпайся.

– И куда?

– Куда угодно. Через полгода я закончу институт, устроюсь на работу и вполне смогу обеспечить себя. Я неприхотлива и спокойно смогу отказаться от многого без надрыва и сожалений. Мне не нужны горы вещей, чтобы чувствовать себя счастливой. В отличие от некоторых.

Задумчиво ещё раз осматривает комнату, останавливаясь взглядом на мне. В глазах плещется тревога, подогреваемая сомнениями и нежеланием отпускать взрослого ребёнка в большой мир.

- Из этого дома ты уйдёшь только замуж.

Вполне спокойно реагирую на его заявление, не надеясь на что-либо иное. Этот разговор повторяется снова и снова, вызывая эффект дежавю и устанавливая итог. Ничего нового.

- Хорошо, - пожимаю плечами, - в таком случае не стоит мне навязывать общение с твоей семьёй. Максимум, что я могу выдать из себя - приветствие.

Тяжело вздыхает, опуская руки, повисшие безжизненными плетьюми. Мы снова на том самом месте, как и прежде, без подвижек в нужном направлении. Слишком разные у нас с отцом планы и видение моей дальнейшей жизни.

- Может, подумаешь насчёт воссоединения с Олегом?

- Что? - не могу сдержать эмоции от удивления. - Ты серьёзно сейчас?

- Вполне. Несмотря на... ошибку, - делает упор на последнее слово, - Олег равнодушен к тебе. Мне всё ещё необходимо скрепление сделки браком, а тебе свобода - мы оба в выигрыше.

На глаза наворачиваются слёзы, а обида противным комом подкатывает к горлу, не позволяя дышать свободно.

- Ты правда готов пожертвовать счастьем единственного ребёнка ради сделки?! Правда? Выдать за удобного тебе кандидата, несмотря на то, что этот самый кандидат - козёл, изменивший твоей дочери в день свадьбы? Ну давай, скажи, что тебе плевать на меня! Только бизнес - ничего личного? Да?

- Арина, дочка...

- Уходи, - отворачиваюсь, утыкаясь в текст на мониторе, который расплывается в большое чёрное пятно. - Мне нужно подумать, кого теперь считать своей

семьей.

Отец не двигается, замерев у меня за спиной, и лишь тяжёлое дыхание даёт понять, что ему, как и мне, сейчас тоже непросто.

- Ты можешь относиться ко мне, как пожелаешь. Можешь даже ненавидеть. Твоё право. Но замуж тебе выйти придётся. Не прямо сейчас. И лучше бы тебе постараться наладить общение с будущим мужем, а не игнорировать его сообщения. Надумаешь сбежать - верну и запру в комнате, как шесть лет назад. - Голос становится твёрже, едва заметно дрогнув, когда он озвучивает условия. - Без глупостей, Арина. По-прежнему поездки только в сопровождении охраны по заданному маршруту, из общения - Настя. Все остальные лица исключены.

- Контракт на охрану оплаты, - выдаю сквозь слёзы.

- Что?

- Контракт моего охранника заканчивается через два дня, - повышаю голос.

- Я решу этот вопрос завтра с утра. Когда-нибудь ты меня поймёшь, если, конечно, всё узнаешь. Спокойной ночи.

Дверь закрывается, а я падаю на кровать, утыкаясь лицом в подушку, чтобы никто не слышал моих поскуливаний и всхлипов. Тошно от слов отца и противно от самой себя за неспособность настоять на своём и сделать что-то непредсказуемое и решительное. Чувство обречённости засасывает, когда осознаю, что отец только что определил мою дальнейшую судьбу в угоду собственным желаниям и намеченным целям.

Когда он стал таким? Неужели ему плевать, как я буду жить в браке с нелюбимым мужчиной, уничтожившим к себе элементарное уважение одним подлым поступком? Вероятно, да, потому что для отца бизнес и материальное благополучие встали во главу угла, отодвинув на второй план человеческое и моральное. Безразличие - единственный ответ на мои вопросы, который сейчас крутится в голове бешеным колесом, сжимая сердце и останавливая дыхание.

Мне не к кому обратиться, а мама неспособна тягаться с отцом, имеющим большие связи и способы давления на неё. И мне не за что её осуждать. Она с большим трудом встала на ноги после смерти Антона, почти погрязнув в собственном горе, всё же выбралась, заставив себя двигаться дальше. Каждый из них потерял ребёнка, переживая это по-своему, а надо было позволить помочь друг другу, оставаясь вместе. Но увы, тогда, шесть лет назад, каждый сделал выбор, с которым нам всем приходится жить до сих пор.

Поднимаюсь, чтобы открыть шкаф и из самого дальнего уголка вытащить рубашку Глеба, которую я до сих пор сохранила. Мой ежедневный ритуал, ставший настолько привычным, что не могу уснуть, не вдохнув аромат мужчины. И, кажется, запах выветрился, а образ практически стёрся из памяти, оставив лишь размытую фигуру с запоминающимся шрамом над верхней губой, но я по-прежнему снова и снова втягиваю носом знакомый парфюм с нотками табака и возвращаюсь к той единственной ночи, когда была по-настоящему счастлива. Прокручиваю события, словно старую плёнку, перематывая вперёд-назад и задерживаясь на ярких моментах, внимательно рассматриваю, вспоминая, какие эмоции испытывала в тот самый момент.

Что он сейчас делает? О чём думает? К кому спешит?

Удивительно, но, когда появляется мысль о спасении, возникает ассоциация с Глебом – сильным, уверенным, решительным. За спиной такого мужчины хочется спрятаться, предоставив ему возможность распоряжаться каждым твоим шагом и бездумно топтать в указанном направлении, не оглядываясь назад.

Возможно, останься я тогда, чтобы дождаться его пробуждения, сейчас всё было бы по-другому... Но сожаления бессмысленны, а маховик времени невозможно отмотать назад, чтобы выбрать другой, более рациональный и обдуманый вариант развития событий. Что сделано, то сделано – точка. Судьба свела нас на одну ночь, с лёгкостью избавив друг от друга с восходом солнца и направив по другому пути. И что бы ни произошло в дальнейшем, каждый день я буду открывать знакомую дверцу, чтобы вдохнуть почти исчезнувший аромат мужчины, дарованного мне на одну ночь.

Глеб

Не люблю приезжать в компанию отца. Огромное стеклянное здание, будто аквариум, в котором плавают офисный планктон. Всё просматривается насквозь, нервируя открытостью и прозрачностью. В моём кабинете всегда царит полумрак.

- Привет, - врываюсь в кабинет без стука. Сам звал.

- Да неужели! - откидывается на спинку кресла. - Не прошло и... - сколько? Недели? - прежде, чем ты почтил меня своим присутствием. Я-то думал, уже после Нового года заявишься, не раньше. А ты даже в этом успел. Похвально, - хлопает в ладоши.

- Закончил с наигранными приветствиями? - Кидаю пальто на диван, усаживаюсь, раскинув руки в стороны. - Кстати, - оглядываюсь, - мы будем говорить тет-а-тет? - Удивительно, что правой руки отца нет месте, обычно помощник ни на шаг не отходит от босса.

- Сегодня да. Лев отлучился... по срочному делу. Будет позже.

- Так что за срочность?

- Срочность? Было бы срочно, сам к тебе приехал. А тут так - серьёзный разговор, который терпит твоих опозданий.

- Что за проблема?

- Жениться тебе надо.

- О как! С чего вдруг?

- Сына, а тебе годиков сколько? А?

- Тридцать четыре.

– Тридцать пять через месяц, – указывает на меня пальцем, напоминая о «праздничном» дне, который я никогда не любил. – Ты как-то устраиваться думаешь?

– Я вполне устроен.

– А устроен, по-твоему, это что? Своё дело и каждые выходные разная девка?

– И что плохого?

– Плохого? Ничего. – Поднимается, огибает стол, опираясь на край так, что возвышающаяся надо мной фигура, давит, раздражая. Терпеть не могу, когда кто-то стоит, когда я сижу. Делаю попытку подняться, но в меня тут же прилетает: – Сидеть! Глеб, ты старший, и всё, что я заработал и создал, перейдёт тебе, а дальше, если правильно, твоим детям.

– Я семью и детей не планирую. Ни сейчас, ни потом. Обратись к Косте.

– Ты прекрасно знаешь, что это невозможно! – рычит, повышая голос. Я знаю, куда бить.

– О, прости, я совсем забыл, что младший брат у нас пи...

– Глеб!

– Ладно-ладно, – поднимаю руки, – заднеприводный, скажем так, – ржу в голос, отчего на лице отца нервно ходят желваки.

– Именно поэтому вся надежда на тебя.

– Надежда на что?

– На внуков! Не прикидывайся идиотом, – тяжело вздыхает, почти стонет, возвращаясь в кресло. – Никто не заставляет тебя быть примерным мужем. У меня много друзей, большинство из них имеет дочерей. Присмотрись, оцени, выбери хорошую девочку помоложе, которую можно подмять под себя. Немного внимания, подарков, безлимитную карту в зубы, и пикнуть не посмеет,

заглядывая тебе в рот. Периодически дома появляйся, иногда разговаривай и про детей не забудь.

– А вот этого мне не надо!

– Молоденькой девочки?

– Детей не надо.

– Твоё дело – сделать. С остальным я разберусь как-нибудь сам.

– Сам? А может, сам и сделаешь? – подмигиваю отцу. – А что? Ты ещё вполне ничего. – Окидываю взглядом своего старика: статная седина, минимум морщин, подтянутое тело. – Сотрудницы откровенно слюни пускают. Ноги не раздвигают на входе в кабинет?

– Рот закрой! – гаркает так, что по телу проносится разряд, отрезвляя. Черта. Ещё шаг – и отец перекрутит меня в мясорубке своего гнева. – Хорошо, Нина тебя не слышит, иначе это было бы последнее, что ты сказал. Или последнее, что бы ты сказал не калеккой.

И мы оба знаем, о чём он говорит – с мамой шутки плохи. Язык острый, рука тяжёлая, видит насквозь – не скрыться. В детстве по взгляду понимала, когда мы с Костиком проштрафились, а если соврали... Наказание было таким, что слово опасались выдавить из себя, лишь жалобно пищали. А если уж мама не в духе или того хуже – злая, весь дом ходил по стеночке, дышали через раз и разговаривали шёпотом.

Именно её отец обвинял в моей фантастической способности изгадить любую беседу резкими и острыми высказываниями, не скрывая правды. Называть вещи своими именами без оглядки на чужое мнение научила меня именно мама. И Костю учила, но, видимо, в какой-то момент он свернул не на ту дорожку, обнаружив в себе симпатию к мужикам.

И, несмотря на твёрдые убеждения в направленности полов и желание внуков, выбор Кости приняла – со скрипом, не сразу, после слёз и скандалов. Теперь Костя для неё, скорее, подружка, чем ребёнок мужского пола.

– Ладно, – прокашливается отец, – есть несколько вариантов. На выбор. Точнее, три. Посмотришь на каждую.

– Надеюсь, варианты не из серии Волохиной?

– Хватит припоминать. Кто ж знал, что девчонка – воровка с длинным послужным списком.

– Ну ты сам говорил – хорошая девочка, – ухмыляюсь, в который раз напоминая отцу о его промашке. – И папаша её бил себя в грудь, расписывая достоинства дочурки. Хотя там по виду было понятно, что девка прожжённая и много чего повидала.

– Закрыли тему, – закатывает глаза, тяжело вздыхая. – У нас не вечер воспоминаний. По другому вопросу приехал. Есть три кандидатки: хорошие семьи, воспитание на уровне, отцов знаю лично...

– Ну договаривай, – подначиваю его на продолжение истории, потому как отец просто так ничего не делает, и выбор этих «трёх» не может быть случайностью. – И бизнес у них подходящий тебе, так?

– Так, – кривляется, – всё-то ты знаешь.

– Какой из них больше всего интересуется?

– Компания «Антей». Самая крупная: развитая сеть не только по стране, но и ближнем зарубежье; много договоров, которые действуют годами; многочисленные варианты транспортировки грузов, включая авиатранспорт.

А папаша не промах, покусился на большую рыбу, точнее, кита. Его компания в первой тройке, но до «Антея» ещё шагать и шагать, выгрызая себе место под солнцем у первых двух. Не можешь одолеть врага – заполучи его в союзники.

– И дочка у него имеется, так?

– Да, чуть за двадцать, сейчас на последнем курсе института. Изучает языки, планирует при нашем посольстве работать в одной из европейских стран. Если

женишься, отъезд за границу исключён автоматически.

- Чего это? А вдруг я с ней рвану?

- Ты? - По кабинету разлетается оглушающий хохот. - Я тебя с невероятным трудом заставил оторваться от прицела снайперской винтовки, вернув из рядов доблестной контрактной армии в мир людей. К моему бизнесу приобщиться отказался, открыв фирму, предоставляющую телохранителей по требованию. По факту те же яйца, только в профиль.

- Несмотря на твой откровенный скепсис, дело почти сразу пошло в гору. Моих ребят нанимают все - от бизнесменов со средним доходом, до звёзд, разъезжающих по стране с концертами. Сейчас охраняют несколько депутатов. Ни одного свободного человека.

- Знаю-знаю, - отец сдаётся, - и тут согласен - удивил. Приятно. Но всё же мне бы хотелось, чтобы ты продолжил моё дело.

- Внуки продолжают, - бросаюсь словами, лишь потом осознав, что ляпнул. Как будто красной тряпкой перед отцом помахал.

- Если они будут.

- Моё мнение не учитывается, не так ли? - поднимаюсь, натягивая пальто. По всему понятно, что разговор подходит к концу.

- Не нравится разговаривать со мной, можешь обсудить эту тему с матерью, - бросает вызов, уничтожая железобетонным аргументом. После бесед с ней мне нужен курс реабилитации.

- А если ни одна мне не понравится?

- Подберём других. Но лучше, чтобы понравилась.

- В принципе, ни одна из них мне не нужна, - хмыкаю, отрезвляя отца в его рвении поставить штамп в моём паспорте. - Сможет удивить в постели - задержится дольше остальных.

– А вдруг влюбишься? – Отец лукаво улыбается, подначивая. Понимает, что такое в принципе невозможно.

– Вдруг можно только обосраться. На всё остальное нужно время.

– Я тебя прошу, – закатывает глаза, – когда с кандидатками будешь знакомиться, придержи свой язык. Понимаю, это трудно и почти неосуществимо, но всё же, сын, напоминаю: молчание – золото.

– Интересно, и как же я присмотрюсь к девчонке, если буду молчать? Хотя, – закатываю глаза, – можешь говорить ты, а я лишь буду кивать, изображая глухонемого: краткая биография, основной вид занятий, уровень дохода. Предполагаю, всё остальное будет лишним.

– Опасаешься, кто-то посягнёт на твою душу?

– До неё ещё добраться нужно сквозь тернистые заросли цинизма и негибких принципов, – хмыкаю, уверенный, что любая «хорошая девочка» умчится прочь в рыданиях. – Хорошим девочкам такое не под силу.

– И ты, сынок, когда-нибудь споткнёшься о ту, что влезет к тебе везде: в душу, в сердце и в штаны. Незаметно для тебя сделает всё, чтобы там, кроме неё, никого не было. А ты независимо от своего желания предоставишь ей полный доступ и скажешь только: «Делай, что хочешь». И хваленые принципы, подгоняемые наигранной циничностью, полетят в тартарары, когда ты будешь пускать слюни в ожидании лишь одного её взгляда.

– Никогда!

– Никогда не говори никогда, – прищуривается, тычет в меня пальцем, – иначе жизнь отвесит тебе смачный подзатыльник, и дай бог, чтобы после него ты сумел подняться.

– Минутка наставлений окончена? Могу идти? – застываю в дверях, всё же ожидая разрешения.

– Можешь, – одобрительно кивает, вновь опуская взгляд к документам.

– Когда начнётся показ невест?

– Как только, так сразу. Ты будешь оповещён, – отвечает, не поднимая головы, что означает – большего мне знать не требуется. Всё уже решено, и, вероятно, мама тоже приложила к этому руку.

– Будь добр, оповещай заранее, чтобы я выкроил в своём плотном графике свободную минуту.

Мысленно уже прогоняю варианты, как соскочить и грамотно слиться в тот момент, когда отец прикажет явиться в назначенное время к выбранной кандидатке. Минимум можно прикинуться мёртвым, максимум – свалить из страны на неопределённый срок.

– И напоминаю, – поднимает на меня прожигающий взгляд, – стартовый капитал на открытие фирмы дал тебе я, – многозначительная пауза, – соответственно, могу и забрать.

– Это угроза?

– Предупреждение. Чтобы ты не совершал необдуманных поступков.

Намёк понят – бьёт под дых. Отец знает, как мною манипулировать, заставив прыгать на задних лапках. За три года я отдал ему только часть – меньшую. Не в моих интересах вставать в позу перед единственным кредитором, поддерживающим мой бизнес.

– Я тебя услышал.

– Это что-то между «мне плевать» и «пошёл ты на хрен»?

– Это значит – я тебя услышал и принял к сведению, – цежу сквозь зубы и начинаю закипать, пойманный в капкан, который сжимает яйца, заставляя удовлетворять прихоти отца.

– Хороший мальчик, – довольно улыбается, одобрительно кивая. – Иди. Я позвоню, как всё устрою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/arkadi_alina/stechenie-obstoyatel-stv

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)